

ПЛОХОЙ,
ЖЕСТОКИЙ,
САМЫЙ ЛУЧШИЙ

**Елена Шолохова
Рита Навьер
Плохой, жестокий,
самый лучший**

<https://litres.ru/74311033>

Аннотация

Один неосторожный поступок едва не обернулся для Риты и её подруг настоящей трагедией. Но в критический момент им на выручку пришёл тот, от кого Рита меньше всего могла ожидать помощи, – одноклассник Саша, с которым она отчаянно враждовала несколько лет, кого всем сердцем ненавидела и презирала. А теперь... также отчаянно полюбила.

Содержание

1	4
2	9
3	15
4	20
5	28
6	35
7	45
8	52
9	63
10	73
11	82
12	94
13	100
14	108
15	116
16	120
17	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

1

Дорогие читатели, чтобы сразу снять все вопросы, поясню. Это давняя книга, одна из моих первых. Многие ее уже читали. Просто раньше мне не разрешали ее здесь продавать, теперь разрешили. Поэтому я постепенно выложу сюда свои старые книги. Кто еще не читал - приятного чтения)

1.

Начиналось всё невинно.

«Угощаем... потанцуем...»

И вот уже малознакомый парень норовит оттеснить Риту в сторонку. Суетливые пальцы шарят по спине...

— Э-э, притормози, — Рита попыталась отстраниться.

Но тот уже вошёл в раж и только плотнее к ней прижимался. Риту передёрнуло. Накатила тошнота. Чёрт бы побрал эту «Акулу»! «Спасибо» Вике — её идея была притащиться сюда втроём, без Игорька, без Славки — Дашкиного друга.

«Оторвёмся втроём — только ты, я и Дашка!»

Рита злилась на Вику за упрямство и безбашенность, на Дашку — за то, что во всём Вике потакает, а ещё больше на себя... Зачем согласилась?! К тому же пришлось наврать с три короба родителям и Игорьку, отчего теперь на душе скребли кошки... Родители — вообще ярые противники клубов, потому что:

«Там сплошное пьянство, наркотики, разврат и прочие ужасы!»

Игорь же, собственник, класса с седьмого ни на шаг её не отпускает, и узнай он про их вылазку — дал бы родителям сто очков вперёд по части скандала.

Единственный плюс за весь вечер — удалось занять отдельный столик с мягкими диванами. А то ведь обычно как? Придёшь в клуб, причём в любой, — приткнуться некуда. Разве что потолкаться у стойки. А тут такой комфорт. Правда, денег было негусто, а открыто просить у родителей Рита постеснялась, потому что, по легенде, шла к Дашке с ночёвкой, готовиться к английскому. Пришлось скрести по сусекам, искать по карманам — еле штука набралась. У подруг наличности оказалось и того меньше. Вика, по её словам, вечно «на подсосе». Дашка, по всей видимости, тоже. И зачем, спрашивается, было идти с такими капиталами в один из самых дорогих клубов, где цены в баре запредельные? Хватило им на входные билеты и три бокала апельсинового сока. А потом подсели те парни. Подкупили щедростью — без лишних разговоров заставили стол мудрёной закуской, для девочек взяли коктейли, сами налегли на виски. И вели себя вполне прилично, вот только один из них сразу нацелился на Риту. Она окрестила его про себя ёжиком — за нелепую причёску. Его волосы, прямые, жёсткие и настолько густые, что стояли торчком, были обильно смазаны гелем. Видимо, хозяин шевелюры пытался её как-то уложить, но не

получилось. Волосы только слиплись и упрямо торчали остренькими иголочками.

— Мне он не нравится, — шептала Рита Вике. — Чего он так пялится?

— Да брось, — отмахивалась та. — Пусть себе пялится, тебе-то что? Главное, у него бабки есть, хоть раз в жизни классно погуляем.

Погуляли! Рита занервничала, стала выворачиваться:

— Да перестань ты! Слушай, я тебе любовь не обещала.

— Кончай ломаться, — просипел он в самое ухо. — Расслабься и получи удовольствие.

Взгляд у него стал затуманенный и в то же время до омерзения плотоядный. Рука нахально нырнула под юбку.

Ах удовольствие! Рита саданула остроносом Loriblu Ёжику по надкостнице. И тут же, следом — классика жанра: коленкой в пах, затем бегом прочь, пока в себя не пришёл. В спину полетел забористый мат, но это ерунда. Можно сказать, легко отделалась. Осталось найти Вику с Дашкой, а там уж уносить ноги.

Рита взбежала по лестнице на балкон, откуда просматривался весь танцпол. Вика выделялась среди толпы ярко-лиловой в пайетках туникой. Дашка крутилась рядом.

Пришлось поработать локтями — еле продралась к ним. Чуть не схлестнулась с какой-то эмоподобной девицей. «Куда прёшь?!» — взвизгнула та и толкнула Риту в спину. Ответить бы, да каждая минута на счету — вдруг Ёжик жаждет

расплаты?

Самым сложным оказалось убедить Вику, что пора уходить.

— Блин, в кои-то веки предки уехали на всю ночь, завтра воскресенье, в школу не идти, гуляй хоть до утра — и такой облом! Ну что он тебе сделает, когда столько народу кругом? — возмущалась Вика.

— Ну и ладно, тогда я пошла одна, — Рита развернулась и стала проталкиваться к выходу.

Уже на улице её догнали Вика с Дашкой.

— Ты чего психанула-то?

— Да идите вы! Меня, можно сказать, чуть не изнасиловали, а вы... облом им, видите ли!

Рита всё ещё дулась, негодовала, даже слёзы подступили от обиды, но в душе обрадовалась им до чёртиков. Да что там, точно гора с плеч! Одной-то идти по ночному городу страшно, а на такси денег не хватало.

— Маргоша, ну не злись, мы же не знали, — винулись обе.

— Ладно, забыли.

— Ну что, тачку поймаем? — предложила Вика.

— Может, лучше такси вызовем? У кого сколько осталось?

— Я лично по нулям, — Дашка развела руками.

— Маргоша, я тебя умоляю! Ты как вчера родилась. Ловим тачку, доезжаем, выходим и разбегаемся в разные стороны. Проверено! Мы сто раз так делали, да, Дашуля?

Дашка утвердительно хмыкнула.

— Может, я лучше отцу позвоню? Он нас развезёт.

— Ага, а что он тебе скажет, ты подумала? А потом ещё и нашим предкам доложит. Не знаю, как тебя, а меня дома вообще убьют. Да не дрейфь ты, говорю же, на себе проверено! Всё, едем ко мне.

Точно, безбашенная она и есть. Всё ей нипочём. Всегда на позитиве. Даже сейчас: Рита кутается в тонкий плащик, мечтая о шубе до пят, Дашка тоже от холода клацает зубами, а у Вики куртка нараспашку и улыбка до ушей.

— Вика, может, не надо? Всё равно как-то рискованно...

Но Вика уже уверенно двинулась к дороге и вытянула руку. Пайетки при свете фар вспыхивали и горели, как стоп сигнал, — мимо не проедешь.

Почти сразу к обочине подрулила белая хонда. Тонированное стекло медленно опустилось.

— На Академическую.

— Пятихатка.

Вика уверенно плюхнулась на заднее сиденье. Следом шмыгнула в салон Дашка. Рита, поколебавшись, втиснулась с ними рядом. Остаться ночью одной за десять километров от дома ей как-то совсем не улыбалось. Да и замёрзла так, что зуб на зуб не попадал.

Водитель Рите не понравился сразу. Во-первых, он оказался не один, а с приятелем. А это уже двойной риск. И лет обоим по двадцать — двадцать два. От таких, пожалуй, убежишь! Особенно если ты на восьмисантиметровых каблуках. Ну а во-вторых, вели себя оба развязно. Их косые взгляды и ухмылки нервировали до дрожи в коленках. Затем тот, что сидел на пассажирском месте, развернулся, сдвинул кепку с длинным козырьком на затылок и, мерзко ухмыляясь, спросил:

— Ну что, девчули, с бля... ой, пардон, с гулянки идём?

Рита напряглась, Дашка тоже вздрогнула. Зато Вика как всегда в своём репертуаре:

— Нет, блин, с работы, с вечерней смены возвращаемся. Парни гоготнули.

— И что у нас за работа такая? — спросил тот, что в кепке.

— Стриптизёрши, — подхватил водитель.

— Швей-мотористки, — ляпнула Вика, вызвав новый взрыв хохота.

— Мотористки, — передразнили её.

— А вы, я смотрю, весельчаки, — нимало не смутилась она.

— Ага, ещё какие! — поддакнул «козырёк». — А сколько вам лет-то, мотористки?

— Восемнадцать, — Вика зачем-то прибавила год.

— О! Так вам уже и шпилиться можно?

— Остановите, я выйду, — запаниковала Рита, ей за вечер и Ёжика хватило с лихвой.

— А ты чего так занервничала, красотуля? Довезём вас в лучшем виде, не кипишуй.

Рита стиснула зубы. Убить эту Вику мало!

Пиликнул сотовый, высветилось: «Вам пришло новое сообщение от абонента Игорь». Текст сообщения: «Сладких снов! Целую». Её Игорёк... Каким же милым и замечательным он казался по сравнению с этими уродами! Все его минусы, подчас бесившие её неимоверно, виделись теперь совершенно незначительными. Можно сказать, и не минусы вовсе. Подумаешь, любит прихвастнуть, покрасоваться... Ничего в том ужасного, тем более если есть чем. А Игорёк определённо было чём гордиться: самый умный, самый видный, самый богатый. Богат, конечно, не он — родители, но сути это не меняет. Всё равно он самый-самый во всей школе. За ним многие бегают, а он любит только её, Риту. И так вдруг захотелось его увидеть, хоть плачь. Может, набить ему эсэмэску? SOS! Помогите! А что написать? Она ведь даже номер Хонды не заметила. Адрес! Можно писать ему, где они проезжают. Рита посмотрела в окно. Ехали они какими-то закоулками, в темноте и не разобрать, где именно. Сердчишко испуганно затрепетало. Может, парни просто срезали дво-рами? А вдруг нет? А вдруг сейчас завезут туда, где их потом

никто никогда не найдёт? Даже дура Вика встревожилась:
— Вы не заблудились?

Парни снова мерзко хмыкнули, но хонда, нырнув в беспросветную темень и подёргавшись на ухабах пару сотен метров, неожиданно вывернула на Академическую. Почти рядом с домом Вики.

Рита перевела дух.

Остановились у соседней девятиэтажки, Викина — через двор напротив. Это у неё принцип конспирации такой: «никогда не палить реальный адрес».

Но уловка пошла прахом.

— Ну что, девчули, приехали, с вас пятьсот рэ, как договаривались.

Вика потихоньку дёрнула ручку, но двери были заблокированы.

— Куда ломишься, мотористка? — заметили её движение парни. — Сначала бабки, потом домой.

Рита оцепенела. Взглянула на Вику, но подруга вмиг потеряла обычную бойкость. Дашка тоже заёрзала.

— Что молчим? Кошелёк дома забыли, да?

— Ага, — с готовностью подхватила Вика и состряпала самую невинную улыбочку.

— А когда к нам прыгали, забыли, что забыли? Думали, мы лохи и нас можно кинуть?

— Ну-у... понимаете, молодые люди, там было так холодно, страшно... домой очень хотелось... ну вы же понимаете,

— полукокетливо, полужалостливо заворковала Вика.

— Ну-у... подруги, это ваши проблемы. Мы потратили своё время, усилия, бензин, в конце концов. Опять же моральный ущерб...

Вика заткнулась.

— Дэн, чего с ними делать-то будем? — спросил у водителя тот, что в кепке.

— Наказывать. Сурово, но справедливо. А потому что нехрен врать. Что, думали, самые умные?

— Вик, у тебя дома есть деньги? — спросила Рита.

Вика обречённо помотала головой.

— Слушайте, — Рита обратилась к парням, — давайте сделаем так: отпустите девчонок, а потом подъедем к моему дому. Тут недалеко, на Вознесенской. Я возьму деньги и вам вынесу.

— Не, не пойдёт. Да, Дэн?

— Шестьсот! — предложила Рита.

— Да хоть семьсот! Знаем мы вас, умных. Вы нам уже заплатили пятихатку.

Пока Рита думала, чем их убедить, у «козырька» зазвонил мобильник.

— Здорово, брателло. Как сам?

На секунду он отвёл мобильник от уха, повернулся к водителю и зашептал:

— Это Лютый. У них там тусня какая-то намечается. — Потом снова забубнил в трубку: — Ну, в принципе, можем

подтянуться, мы как раз неподалёку. Только сейчас тут с тёлками разберёмся. Да ничего особенного. Так, динамщицы. Ха... Ну ничего такие... Ладно... Как скажешь...

Дал отбой.

— Дэн, гони на хату к Лютому.

— А этих куда?

— А этих с собой, — и повернувшись к девчонкам, добавил: — Всё, девоньки, приплыли. В другой раз будете знать, как договариваться, а потом сливаться.

— Пожалуйста, отпустите нас! — завопили все в трое в голос. — Мы больше так не будем!

— Завтра штуку вам отдам. Честно! — упрашивала Рита.

— Две! Вот айфон могу дать в залог. Или золото!

— Поздно, девчули. Раньше надо было залог предлагать, может, и согласились бы, а теперь всё, поезд ту-ту.

— Ну пожалуйста, пожалуйста!!!

— Да хоть сто раз пожалуйста. Лютый сказал, чтоб вас к нему привезли. Так что извиняйте. Кстати, а ну-ка дайте сюда свои мобилы.

— Зачем? — всколыхнулась Рита, крепче сжав айфон.

— Затем! Чтоб не вызвонили кого не надо. Быстро, я сказал!

— Не отдам, — Рита от возмущения даже плакать перестала. Отдать телефон? Да это её последняя надежда!

Не сводя глаз с парня, она на ощупь нажала вызов, лихорадочно вспоминая, кто был последний в списке звонков.

Отец? Мама? Игорь? Но тут «козырёк» схватил Риту за запястье и резко вывернул. Она вскрикнула от боли и разжала пальцы. Телефон упал на колени, но поднять его она не успела — парень опередил её. Повертев айфон в руках, оценил:

— Зачётный. Папик подарил? Опаньки! А кому это мы звоним? Ах ты коза! — Он сбросил вызов (кому — Рита так и не узнала) и выключил телефон. — Теперь вы. Или что, тоже бороться будем?

Вика и Дашка отдали свои без разговоров.

— Давай ещё Саню позовём? — обратился водитель к «козырьку».

— Можно, — согласился тот, снова уткнувшись в телефон.

— Санёк? Здорово! Занят? Подтягивайся тогда к Лютому. Да так, просто душевно посидим. Ну всё, ждём.

Оставшуюся часть пути ехали молча. Только Дашка подрагивала да всхлипывала. Рита тоже боялась до тошноты. Лютый! От одной клички с ума можно сойти от страха!

Ну ничего, решила про себя Рита. Только выйдут из машины, она попробует убежать. Не получится сбежать, так орать будет во всю глотку. А заташат в подъезд — такой шум поднимет, что всех соседей перебудит. Выйти-то, конечно, вряд ли выйдут — люди сейчас пошли осторожные, но полицию наверняка вызовут. Так что помощь придёт. Обязательно!

Хонда вновь съехала с освещённой дороги на какую-то боковую тёмную улочку и пошла петлять и прыгать по колдобинам. Потом и вовсе выползла в частный сектор. У крайнего дома машина остановилась, но двери открывать никто не спешил. Дэн трижды коротко посигналил. Залилась лаем собака, по цепочке подхватили эстафету сторожевые со всех окрестных дворов. Рита окончательно впала в отчаяние: в таком собачьем хоре её могут и не услышать!

В окне на первом этаже колыхнулась занавеска. Потом распахнулась дверь, выпустив на улицу чьи-то голоса, смех, звуки музыки.

К машине приближалась высокая, грузная фигура. Только когда парень подошёл, Дэн разблокировал замки. Тут же вышел сам и распахнул дверь со стороны Вики. «Козырёк» вылез следом.

— Гриня, здорово. — пожал он руку толстяку и кивнул на Риту. — Бери вон ту, а то она шибко борзая.

Гриня выволок из машины упирающуюся Риту, а следом и Дашку. Обоих подхватил и повёл, почти понёс, к дому. Какой тут побег? Какое сопротивление? Этого толстого десять таких как она с места бы не сдвинули.

Ноги от страха совсем ослабели и стали ватными. У самого крыльца Гриня вдруг выпустил её, и Рита не удержалась,

рухнула, и, как назло, в лужу.

— Пошла, — хлопнул он Дашку по задку, подтолкнув вперёд, а сам встал над Ритой, распластавшейся в холодной грязной жиже. Подняться не помогал, да она и не хотела вставать. Даже подумалось: умереть бы прямо сейчас, — потому что страшно было так, что живот сводило... Спазм скрутил желудок, и её вырвало.

— Девки-то ваши совсем обдолбанные, а говорил нормальные, — повернулся он к «козырьку». Потом несильно пнул носком ботинка Риту в бок. — Долго валяться будешь? А ну встала!

Но Рита не шевелилась, только тихонько скулила. Тогда толстяк схватил её, как щенка, за шкурку, поволок в дом и захлопнул за собой дверь.

Как зашли, в нос ударило дешёвым табаком, перегаром и ещё чем-то затхлым.

В коридоре было сумрачно. На полу валялась разномастная обувь, от кроссовок до кирзовых сапог, коробки, склянки, бутылки и прочий хлам — просто ступить негде.

«Наколи мне домик у ручья... пусть течёт по воле струйкой тонкою...», — рвался из комнаты хриплый голос Ждамира, заглушая чьи-то разговоры.

Толстяк втолкнул Риту в комнату, сизую от дыма. Обстановка и вовсе удручала: голые стены с выцветшими обоями, продавленный диван с засаленной и рванной на подлокотниках обивкой, посредине — стол, уставленный стаканами,

грязными тарелками, объедками. И, словно в насмешку, среди этой убогой нищеты в углу громоздилась огромная плазма, дюймов на полста, не меньше. Вика с Дашкой забились в угол дивана и жалобно скулили, рядом с ними развалился «козырёк», которого здесь называли Рафиком, а Дэн и ещё двое, явно постарше, сидели за столом. Их лиц Рита не разглядела. Поплывшая тушь щипала, и слёзы застилали глаза.

— Ну и красotka, — усмехнулся один и добавил: — Рафик, Дэн, где вы этих шлюшек подобрали? Под каким забором?

Говорил он гнусаво, но по-хозяйски. Каким-то чутьём Рита сразу определила, что это и есть Лютый.

— Да она пьяная в ноль, а может, и вмазанная, ноги не держат, — вклинился толстяк, подталкивая Риту в спину. — В луже там у тебя искупалась.

— Пусть умоется, а то смотреть страшно, — велел гнусавый. — Гриня, проводи.

— Я провожу, — сказал кто-то сзади. Видимо, он только что вошёл, но странное дело, этот голос с лёгкой хрипотцой показался Рите очень знакомым.

— О! Здорово, Санёк. Молодца, что забежал. Ну, если не в лом, давай, займись. Пусть приведёт себя в товарный вид. А то как-то шибко печально всё... хотя ножки вроде ничего, зачётные, да, пацаны?

От его слов, от гнусавого голоса и повелительного тона её залихорадило. Хотела было кинуться к ним в ноги, молить о

пощаде, обещать что угодно, любые деньги, лишь бы не трогали, лишь бы отпустили... Но этот самый Санёк уже стиснул её локоть и грубо потащил за собой куда-то по узкому тёмному коридору. Затем открыл дверь в закуток с умывальником. Пустил воду на весь напор и, не говоря ни слова, рывком нагнул её и сунул головой прямо под кран. Рита задыхнулась, мощная ледяная струя обрушилась на волосы, шею, затекла в уши, в нос, за воротник. Она забилась, попыталась вывернуться, но крепкая рука прижала её ещё сильнее.

— Не дёргайся, дура пьяная. Может, хоть малость протрезвеешь.

Рита пыталась сказать, что она и не пьяна вовсе, но вода с ржавым привкусом тотчас хлынула. Рита закашлялась, потом зажмурилась, стараясь не дышать, пока он наконец не отпустил её. Выпрямившись, она увидела своё отражение в мутном, с бурыми разводами зеркале. Волосы мокрые, спутанные, глаза опухли, нос красный, лоснится. Одежда тоже намокла и вся в грязи. Чёрные колготки на коленках порвались. А туфли, её дорожные, новые, почти не ношенные Loriglu, выглядели сейчас не лучше, чем калоши у свинарки.

«Мама дорогая, неужели это чудовище — я?! Какая страшная... бичиха просто. Ну и пусть», — Рита обречённо вздохнула, боясь взглянуть на парня, устроившего ей ледяную пытку, а когда всё-таки осмелилась — буквально остолбенела. Явлегин! Её одноклассник! Как? Почему? Боже, зачем он здесь?! Лучше бы кто угодно, только не он!

Явлегин стоял в дверном проёме, привалившись плечом к косяку и скрестив руки на груди. На чёрных волосах и смуглой коже блестели капельки воды. Зелёные глаза беззастенчиво разглядывали её, мокрую, дрожащую, запуганную... Рита искала в его взгляде насмешку, злорадство, торжество, наконец, но он смотрели холодно и даже, как ей показалось, чуточку брезгливо. Ни тени ухмылки и на губах.

Совсем некстати пришла нелепая мысль: «Какие у него, оказывается, красивые губы... какие яркие... чувственные». Рита впервые видела его так близко, впрочем, они вообще редко виделись. За последний год их встречи по пальцам можно пересчитать. На уроках Явлегин почти не появлялся.

«И глаза тоже, и вообще...» — почти удивилась она, но тут же одёрнула себя:

«Дура! О чём я думаю?! Это ж надо было так вляпаться! Ещё неизвестно, кто страшнее, те гопники, или кто они там, или этот Явлегин».

Явлегина в школе сторонились, потому что побаивались. Учителя в один голос твердили, что долго ему на свободе не гулять. О нём и правда какие только слухи не ходили!

Слухи слухами, но у Риты имелось несколько достоверных и весьма красноречивых эпизодов из личного опыта.

Класс второй или третий... Явлегин тогда был самым маленьким среди них, это сейчас он так вымахал, что всех перерос, даже Игорька, а тогда, в начальной школе... Господи, да что там во втором, когда он и в восьмом-то был ниже неё! Как она его называла? Клоп-недоросток. А теперь она, сама довольно высокая, едва достаёт ему до подбородка.

В общем, был Явлегин малявка малявкой. И не дружил ни с кем. Даже не разговаривал, только взирал на всех угрюмо, исподлобья, как волчонок. Они с Игорьком и остальными ребятами дразнили его после уроков. Сперва в шутку, не со зла. Это уж потом...

Сначала дразнили цыганом за смуглую кожу и чёрные как смоль кудряшки. Он злился, с вызовом заявлял, что он русский. Но это ребят только сильнее распаляло. Тогда он перестал беситься, и дразнить стало неинтересно. А потом Рита случайно узнала, что его мать работает в школьной столовой.

На другой день, перед уроком, пока учительница не пришла, Риточка, нарядная, как куколка, с роскошными белыми

бантами и золотистыми локонами, встала из-за парты, повернулась, нацелив на него маленький пальчик, — Явлегин всегда сидел в самом конце крайнего ряда — и звонко, на весь кабинет воскликнула: «Сын кухарки! Сын кухарки!» Тут же весь класс подхватил её слова, и... вот уже тридцать детских голосов выкрикивают дружным хором: «Сын кухарки!»

Как сейчас Рита помнит горящие жгучей ненавистью круглые глазёнки странного озлобленного мальчика. Помнит, как он одним махом взлетел на парту, перепрыгнул на другую, третью, держа в руках стул. Взмах — и стул летит в неё. Она и ойкнуть не успела, как он угодил ей в голову, в сантиметре от левого виска. Боли не помнит. Только потрясение и страх. И ещё — как визжали девочки, как на белоснежной блузке алела кровь, как началась невообразимая суета.

Рита потом две недели лежала в детской нейрохирургии. А когда вернулась в школу, маленького Явлегина пытались заставить извиниться перед ней, требовали, угрожали, ругались. Но он только злобно смотрел на всех, нет, не на всех, на неё одну, не мигая, в упор. Будто мысленно кричал: «Ненавижу!» От его взгляда внутри всё скукоживалось. Такое разве забудешь? Да и шрам вот остался навсегда.

Тогда Риточка совершенно искренне чувствовала себя невинной жертвой, ведь она-то шутила, а «этот ненормальный» — всерьёз. От обиды ли, из вредности, или ещё по какой причине, сейчас Рита и сама не могла сказать, но допе-

кать его она не прекратила, даже наоборот. Так что та стычка была первой, но далеко не единственной.

Класса до девятого между ними кипела настоящая вражда. Вражда, в которую Рита вовлекла остальных одноклассников. Не без помощи её верного Игорьька, разумеется. Пусть не весь класс, но добрую половину удалось настроить против Явлегина.

В известном смысле травить его не осмеливались, знали, чем такие шутки могут кончиться. Но подлЯнки устраивали регулярно и с энтузиазмом. Однажды, в шестом классе, тайком налепили ему в журнале пятёрок по всем предметам, а учителя подумали на него — на то и был расчёт. Как они всполошились — ЧП! Созвали педсовет, где всем скопом распекали его вместе с матерью, та потом вышла в слезах. А класс ходил довольный — шутка удалась! Особенно радовалась Рита — ведь её идея была.

Не упускала она и возможности вставить при любом удобном случае шпильку в адрес Явлегина. Когда тот был помладше — психовал, гневно сверкал глазами, ругался, норовил ударить. Иногда ей и влетало от него, но это ничуть не останавливало, напротив, словно подстёгивало. Ну а класса с седьмого Явлегин приноровился отвечать ей колкостью на колкость. Как-то она подбила ребят сдать обед в столовой нетронутым, мол, есть невозможно. А затем, на следующей перемене, ехидно поинтересовалась у Явлегина, отчего так невкусно кормят столовские повара. И сама же ответила:

— Хотя и так понятно. Мамаша, видать, продукты домой тащит, а нам всякую пакость подают.

Ждала бурной реакции, а он ей почти спокойно ответил:

— Ты, Загорецкая, мою мать по своим предкам не суди.

Или взять тот ужасный случай, когда они скидывались на подарок классной ко дню рождения. Ещё накануне Рита высмотрела у Явлегина на локте крохотную, еле заметную штопку. Вот и не преминула съязвить, красноречиво потирая собственный локоть: «Явлегин пусть не сдаёт. Он у нас бедненький. Ходит в школу в рваньё. Пусть лучше новую кофту себе купит». А он преспокойно парировал: «Лучше ходить в дырявой кофте, чем жить с дырявыми мозгами и языком без костей». Рита вспыхнула, бросила со злостью: «Идиот!» Но Явлегин лишь ухмыльнулся. Конечно, захотелось отомстить, и так тщательно всё продумала, а в итоге вышло ещё хуже.

Они тогда обсуждали, что подарить одноклассникам на Двадцать третье февраля. Хорошо, хоть остальных мальчишек в классе не было. Рита специально так подгадала, чтобы в кабинете Явлегин сидел один — классная часто его после уроков оставляла: давала задание, а сама уходила. Вернётся где-то через полчаса, проверит. Только так он и получал какие-никакие оценки, потому что на уроках упорно молчал, о чём бы его ни спрашивали.

Рита знала, что он там: видела, как классная его в кабинет завела, а сама ушла. Вот Рита и позвала туда девчонок, гром-

ко объявив: «Девчонки, идите сюда! Здесь никого! Давайте, пока мальчишек нет, придумаем, что будем им дарить. Сюрприз ведь должен быть». Уж очень хотелось показать Явлегину, что он для неё, нет, для всех — пустое место. Пока обсуждали, тот, казалось, даже не слушал. Уткнулся в учебник и глаз не поднимал. Даже досадно стало.

Потом Рита углядела, как он запустил пятерню в волосы, взъерошил и без того непослушные вихры. «А давайте Явлегину подарим расчёску, — предложила она, демонстративно повернувшись к нему спиной. — Если он, конечно, знает, что это такое и как ею пользоваться».

А в ответ услышала: «Какая ты, Загорецкая, заботливая. Спасибо, буду только рад. Тогда и я тебе на Восьмое марта сделаю подарок — дезодорант. А то там, где ты, всегда так воняет».

Девчонки сразу стихли, опешили. Рита и сама от потрясения не нашлась что ответить. Потом целый урок ревела за школой, кляня Явлегина на чём свет стоит. Если раньше она его недолюбливала, относилась к нему свысока, то после этих слов возненавидела всеми фибрами души. Как он посмел ей такое сказать? Да за ней даже десятиклассники бегали! Она ведь самая красивая в классе. Нет, в школе! У неё есть всё, чего ни пожелает! С ней все хотят дружить! А этот хоббит в обносках такое ей заявил! Да его убить за это мало!

Убить не убить, но отлупить наглеца Рита попросила. Строго говоря, просить даже и не пришлось, она просто без лишних подробностей нажаловалась Игорьку, что её оскорбили и унизили. Публично! Игорёк уже тогда за ней увидался и сразу воспыал решимостью проучить Явлегина. Но толком ничего не вышло. Маленький, жилистый и дикий Явлегин так отметелил Игорька, что у того живого места не осталось. После той драки они ещё несколько раз бились, и один на один, и двое на двое, и стенка на стенку. Один раз Рита случайно наблюдала их бойню. Ужас! Явлегин, точно хищник, бросался на здорового, но неповоротливого Игорька, бил резко, яростно, беспощадно, сам же от ударов ловко уворачивался.

«Не дерись с ним больше, — попросила она Игоря. — Он как бешеный зверь, загрызёт ещё чего доброго».

«Тоже скажешь!» — фыркнул Игорь. Но с драками завязал. Ему и самому надоело с синяками ходить.

А после девятого Явлегин резко, буквально за лето, вымахал, окреп, раздался в плечах, да ещё и, по слухам, стал водиться с опасными личностями. Весь прошлый год прогуливал напропалую, почти перестал ходить на уроки. Впрочем, все только вздохнули с облегчением. Связываться с ним даже учителя теперь не решались. Молча ставили ему липовые тройки. Даже классная забросила послеурочные задания. Хотя мать Явлегина по-прежнему работала в школьной столовой, правда, выросла до заведующей. Но, видимо, и она

не могла повлиять на сына.

А ещё сплетничали, что у неё связь с директором школы, Петром Алексеевичем. Так это или нет — точно неизвестно, но то, что директор закрывал и продолжает закрывать глаза на все выверты её сына и тянет его из класса в класс — факт.

На этой почве, после довольно долгого затишья, между Ритой и Явлегиным и возникла последняя и, пожалуй, самая серьёзная стычка. Случилось это почти четыре месяца назад, в конце мая, как раз шли экзамены. Рита с девчонками стояла у кабинета литературы. Рядом крутился Игорёк, отпускал шуточки. Девчонки притворно дрожали от страха перед грядущим тестом. Лишь Рита не волновалась ни капельки. Маринка Грибанова вдруг ни с того ни с сего вспомнила:

— Интересно, а как Явлегин будет сдавать? Он ведь почти не ходил.

— Известно как, — усмехнулась Рита. — Его мамочка попросит Петра Алексеевича, а тот всё устроит.

— А почему он вообще её слушает? Почему Явлегину помогает? — хлопала глазами Маринка.

— Ты такая наивная, — Рита не обратила внимания, как внезапно побледнела и съёжилась Грибанова, как затихли остальные девчонки. — У них бартер. Он ей сына-идиота тянет, а она ему за это платит натурой.

Лишь тогда Рита заметила безмолвные жесты Ви-ки, оглянулась — и оцепенела. За спиной стоял Явлегин, бе-

лый от гнева. Только глаза яростно сверкали. Тогда он залепил ей такую пощёчину, что Рита на ногах не устояла, упала, а в голове всё зазвенело. Игорька, что ринулся с кулаками, походя оттолкнул, и тот грузно завалился.

— Ты у меня ещё заплатишь за свой поганый язык, — прошептал Явлегин тихо-тихо, возвышаясь над Ритой. И ушёл. Не по себе стало от его слов. И за пощёчину стыдно, хоть девчонки и принялись щебетать, какой он варвар и куда ему давно пора отправиться.

Хорошо хоть, больше она с ним не пересекалась. До сегодняшнего дня.

В этом году он ещё ни разу в школе не показывался, правда, они и учатся всего ничего — только две недели с начала занятий прошло. Но лучше бы она его совсем не видела. Никогда. И он её. Тем более такой: грязной, оборванной, жалкой.

Риту трясло, и неизвестно от чего больше: от страха, от холода или от невыносимого унижения. Лютый и вся эта кодла считали, что они с Викой и Дашкой кругом виноваты. Дуры, которые сели в машину неизвестно к кому, да ещё и решились кинуть парней на деньги. И Явлегин наверняка так думал. Теперь уже в его взгляде явственно читалось ледяное презрение. Но почему он молчал? Самое время поглумиться, как она когда-то над ним...

Но он лишь молча сдёргнул с крючка несвежее полотенце и небрежно швырнул Рите.

Что сказать, она не знала. Попросить его, чтобы отпустил их домой? Но как? После всего... после всех её гадостей и издёвок. Да и как это было бы унизительно! Хотя... куда уж унизительнее.

В коридоре загромыhalo. Рита вздрогнула.

— Пойду отолю, — сообщил всем гнусавый, а потом окликнул Явлегина: — Санёк, ты чего там застрял?

Рита зажмурилась. Щёки вспыхнули от стыда. Из глаз брызнули слёзы.

— Чего ревёшь, Загорецкая? — наконец нарушил тягостное молчание Явлегин. — Ты вообще каким местом думала, когда к ним в тачку прыгала?

Рита заплакала ещё горше. Что тут скажешь?

— Ты откуда вообще такая... никакая?

Она замотала головой и, всхлипывая, выдавила:

— Я не... не... не пьяная...

— Ну да, трезвая! Как стёклышко. Я видел, как ты там во дворе в грязи ползала. Решил, Рафик с Дэном каких-то марамоек обдолбанных привезли. Нахрена, думал, им эта шваль. Захожу — и оба-на! Это мои одноклассницы. Да не кто-нибудь, а сама Загорецкая! Поздравляю, тебе удалось удивить меня так, как никто не удивлял.

Рита упрямо качала головой, но сказать ничего не могла — наружу рвались одни рыдания.

— Ты хоть представляешь себе, куда ты попала и что с тобой могут сделать?

Ноги подкосились, как у тряпичной куклы. Рита бессильно опустилась на корточки, подвывая в голос.

Явлегин ещё немного постоял, глядя сверху вниз, потом скривился брезгливо, буркнул: «Дура!» — и вышел.

В коридоре опять раздался грохот — вернулся гнусавый. Рита забилась в самый угол, перемежая глухой вой неистовым шёпотом: «Мамочка, мамочка, помоги мне! Господи, пожалуйста, умоляю!»

— Лютый, постой, — услышала она голос Явлегина. — Отпусти этих девок, а?

— Санёк, ты же знаешь, я тебя уважаю, но так не делается. Они нехорошо...

— Да-да, ты прав, всё так. Но они — дуры, малолетки, не понимают ни черта.

— Ну так вот, мы их и образумим.

— Лютый, я серьёзно, отпусти их. Не просто так прошу. Причина есть.

— Обоснуй.

— Ну... одна из них... — Явлегин замешкался, потом выпалил: — В общем, это моя бывшая. А эти две — её подружки.

— Бывшая?! Шутишь? И когда она у тебя была, эта бывшая?

— В прошлом году встречались. Разбежались миром, тупа останемся друзьями и всё такое. Так что, сам понимаешь, не хочу, чтоб её обидели. А я с ней поговорю, будь уверен.

Гнусавый молчал, дышал глубоко, шумно, сипло. Наконец разродился:

— Ладно, забирай своих девок. Но только из уважения к тебе.

— Спасибо, Лютый. Дэн, дашь тачку? А я тебе бак залью.

Звякнули ключи. И снова на пороге возник он, всё с тем же холодным, презрительным взглядом. Ну и пусть! Пусть! Рита бы сейчас снесла от него что угодно, любые оскорбления, а уж взгляд-то и подавно, лишь бы увёз их поскорее из этой клоаки. Ей никак не верилось, что он, её давний враг, хотел их спасти! Уж не ослышалась ли она? Нет. Вот он наклонился, протянул ей руку:

— Вставай. Идти-то сможешь? Или опять поползёшь?

Ладонь его была сухая и тёплая. Рита даже почувствовала сожаление, когда затем он выпустил её холодные как лёд пальцы. Проходя по коридорчику, она бросила взгляд на Лютого и содрогнулась. Невысокий, сухопарый, он пристально смотрел на неё, и в глазах его таилась нечеловеческая жестокость.

Рита выдохнула лишь тогда, когда за ними захлопнулась дверь этого жуткого дома. Ноги и в самом деле не слушались, мелко подрагивали в коленках, но худо-бедно удалось доковылять до злосчастной белой хонды.

— Стой.

Явлегин достал из бардачка газету, расстелил на сиденье рядом с водителем.

— Садись сюда. А то перемажешь всё. Вони потом не оберёшься.

Дашка с Викой, тоже зарёванные, трясущиеся, забрались на заднее сиденье.

Сначала Явлегин завёз Вику, та утянула Дашку за собой. Звала и Риту, но той хотелось одного — домой, только домой, и поскорее!

Не спрашивая адреса, он подъехал к её подъезду. «Надо же, знает, где я живу», — подумалось почему-то не без радости. И тут же вспомнилось: «моя бывшая... не хочу, чтоб её обидели...» И такая горячая благодарность захлестнула её, так вдруг захотелось сделать или хотя бы сказать ему что-

то хорошее, но слова не шли. Ни единой мысли, разве что... назвать его по имени. Первый раз в жизни.

— Спасибо, Саша.

Рита прошмыгнула мимо подслеповатой консьержки. К счастью, была смена Марьванны. Её пристроил двоюродный племянник, он же замдиректора их управляющей компании. Тем самым убил одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, дом с консьержкой сразу приобрёл другой статус. Это льстило жильцам. Во-вторых, престарелая тётка получила весьма солидную прибавку к пенсии и, что самое приятное, не из его кармана. Да и работа не пыльная: тепло, светло, мягкий диван и телевизор с любимыми сериалами.

Когда Рита вошла, старушка дремала, но, заслышав торопливое цоканье каблучков, встрепенулась. Высунулась из своей комнатки, но Рита уже миновала холл и свернула за угол.

— Кто там? — как могла напустила в голос строгости Марьванна.

— Это я, баб Маша, Рита Загорецкая.

— Ах Риточка. Что ж это ты так поздно? Опасно ведь. Сейчас такое на улицах творится, прямо беда. Вот недавно у моей соседки...

Но её историю Рита не дослушала. Подъехал лифт, плавно разошлись двери. Рита потянулась к семёрке, но, чуть подумав, нажала на шестёрку. Ничего страшного — пару пролётов пройдёт пешком. Так тише будет.

«Вдруг родители не спят?» — свербела трусливая мыслишка. Что она им скажет? Как объяснит своё появление в третьем часу ночи? А что скажут они про её видок?

«О! Пусть бы только они спали!» — молила Рита, осторожно ступая на носочках.

Крадучись, как вор, она отомкнула массивную входную дверь и проскользнула в квартиру.

Дома было темно и тихо — настоящее сонное царство, только мерное тиканье напольных часов доносилось из гостиной да где-то вдали, за окном, взвизгнув, пронеслась одинокая машина.

Рита скинула туфли, прихватила их с собой и на цыпочках засеменила в ванную. В большое, на полстены, зеркало оглядела себя с головы до ног и... содрогнулась. Ни дать ни взять привокзальная побирушка. Даже слёзы на глаза навернулись от жалости к себе.

Какой же страшный, невыносимый день! Как пережить его? Как забыть этот кошмар? Никогда ей не приходилось испытывать столько боли, страха и унижения.

Рита стянула с себя грязную одежду, пропахшую дешёвым куревом, скомкала и вместе с туфлями спрятала под ванну.

«Потом постираю, всё потом...» — на смену знобящей боли вдруг пришла вялость, почти апатия. Хотелось рухнуть в кровать и забыться сном. Но прежде надо было смыть с себя всю грязь сегодняшнего вечера.

Тугие горячие струи хлестали грудь, спину, плечи, лицо. Рита до красноты тёрла себя губкой, не жалея ароматного геля. Мерзкая вонь, казалось, намертво въелась в кожу и волосы.

Непрошено вспомнилось, как Явлегин держал её под ледяной водой, вспомнился его презрительный взгляд, обидные слова... И тотчас вновь всколыхнулась боль, засадило в груди. Но какая странная боль — острая, гнетущая и вместе с тем... томительная. Его глаза, шея, изгиб губ волновали до трепета. Почему она раньше никогда не замечала, какой он красивый? Видела в нём только оборванца, дикаря, плебея. Что теперь изменилось? Рита терзалась, не понимая себя...

Воскресное утро выдалось хмурым, под стать Ритиному настроению. Серое небо нависло так низко, что, казалось, почти физически давило, прижимало к земле. Плотные облака не пропускали ни единого лучика скромного сентябрьского солнца, отчего и на улице, и в квартире было сумрачно, как вечером.

По воскресеньям Риту не будили, давали отоспаться за всю трудовую неделю.

Шутка ли — по шесть-семь уроков в день, плюс факультативы по английскому и французскому, художественная школа, волейбольная секция, ну и всегда что-нибудь по мелочи в нагрузку свалится. То вечер тематический подготовь и проведи, то оформи стенд, то организуй общешкольное мероприятие. Но главное, она всё успевает и со всем справляется. И как справляется! Всегда на «ура».

Классная сбагрила на неё практически всю внеклассную работу, впрочем, Рита и сама не возражала. Пусть. Ей нравится быть на виду, быть лучшей, необыкновенной, исключительной. Чтобы все смотрели и восторгались. Или завидовали.

Помимо возможности лишний раз потешить самолюбие её старания приносили и вполне ощутимую пользу. Взять хотя бы ту историю, когда она в девятом классе чуть было

не схлопотала тройку по технологии. Прежняя учительница ушла в декрет. Приняли новую, о Ритиных заслугах не осведомлённую. И та сразу насела: «Не стараешься! Всё у тебя тятп-ляп».

Рита на её уроки ходила, как на Голгофу. Ни шить, ни кроить она не умела и не любила. Но старалась как могла. Её и саму положение «отстающей» удручало донельзя.

Тогда шили халат. У всех девчонок получилось то, что надо. Кроме Риты, которая сварганила кособокое нечто. Учительница взъелась. Нет чтобы закрыть глаза — как-никак круглая отличница, из года в год ни единой четвёрочки — упрямая технологичка встала в позу, как Ольга Ивановна, классная, её ни упрашивала.

И наверняка испортила бы Ритин аттестат своей принципиальной тройкой, но вмешался Пётр Алексеевич, директор. Надавил: «Если у девочки по химии, физике, русскому, алгебре, иностранным языкам, да что там — по всем предметам сплошные пятёрки, то выставить тройку по технологии — несерьёзно. И претенциозно. И нам срежете отличницу, а отличников в старших классах и так почти нет, и ей подпортите будущее. Тогда это уже не обучение, а охота за черепахи получается. Да-да. А можно и по-другому понять. Девочка она умная, добросовестная. Все её сумели научить, а вы — нет...»

От Петра Алексеевича технологичка вышла сама не своя, но тройку исправила на «отлично». А в начале следующей

четверти с обидой заявила:

— Ты, Загорецкая, хоть вообще на мои уроки не ходи, всё равно свою пятёрку получишь.

Оскорбить хотела. Хорошо хоть наедине, а не при всём классе.

Рита слышала, как в глубине квартиры позвякивает посуда и вещают чьи-то голоса — это работал телевизор. Отец без него никак. Может и не смотреть вовсе, но непременно надо, чтобы фоном что-то шумело и мелькало.

Вставать не хотелось: тело ломило, голова раскалывалась. А хуже всего было на душе. Спросонья пока ещё неясная, безотчётная, но тяжёлая и глухая тоска царапала изнутри, сжимая сердце.

— Да что же так муторно-то? — пробормотала Рита.

И тотчас нахлынули воспоминания, пронзили словно молнией.

Она сморщилась и глухо застонала в подушку от нестерпимого, обжигающего стыда. Хотелось исчезнуть, раствориться, стать микроскопической, чтобы никто и никогда её больше не увидел. Стыдно было перед родителями, Игорьком, друзьями, знакомыми, даже перед соседями, словно все они являлись свидетелями вчерашнего позора. Даже перед Викой и Дашкой, хоть те и сами отличились.

Но острее всего терзал стыд, когда вспоминался Явлегин. «Вот его точно не хочу больше видеть. Никогда!»

И вопреки всем законам логики вновь, как вживую, увидела его лицо, колючие зелёные глаза, губы, и внутри что-то трепыхнулось, словно пойманная бабочка забилась в руке. Мысли всякие непрошенные полезли на ум...

«Фу, дура!», — одёрнула себя Рита, потряхнув головой. И тут же в душу закрался мерзкий страх: «А вдруг он расскажет о том, что случилось?»

Рита даже представить себе не могла этот ужас, если в школе или дома узнают о вчерашнем. Да она этого попросту не переживёт!

Можно ли надеяться на Явлегина? На то, что смолчит, никому не растреплет? Положа руку на сердце Рита сильно в этом сомневалась, и, оказись она вдруг на его месте, скорее всего, постаралась бы распространить такую «пикантную новость», хотя бы ради того, чтобы отыгаться за все былые нападки.

А минуту спустя ей уже казалось, что именно так всё и будет. Наверняка! Он ведь её ненавидит. И тогда, в мае, обещал отомстить...

Вялость как ветром сдуло. Мозг лихорадочно соображал: что делать? Как заставить его молчать? И тут же сама усмехнулась. Да уж, заставить! Такие слова к Явлегину совершенно неприменимы.

Но ведь должен же быть способ! Способ... Но какой? Предложить денег? Во-первых, где столько взять? Родители без вменяемого объяснения не дадут. И, во-вторых, не по-

хож Явлегин на того, кого можно подкупить деньгами.

Рита нервничала, не обращая внимания, что до крови кусала нижнюю губу. Тяжкие мысли не давали покоя, отзываясь пульсирующей болью в висках.

Посоветоваться бы... Но с кем? Кому такое расскажешь? Вику и Дашку она видеть сейчас не могла. Разве что Мари... Девчонка из далёкого Хабаровска, с которой совершенно случайно познакомились в поезде Москва-Владивосток в позапрошлом году. Они ездили с Игорьком и его мамой, Галиной Романовной, отдыхать, а Мари — всего на год старше — путешествовала одна. Вообще, она — Маша, но «Мари» звучит куда как интереснее.

Рита была ею просто очарована. Сама она, домашняя, примерная девочка, и помыслить не смела о рискованных выходках, которые постоянно устраивала Мари и о которых без стеснения рассказывала им, малознакомым людям.

Зато Игорьку Мари категорически не понравилась. Прямо весь изошёлся, правда, не сразу, а потом, когда распрощались с бойкой попутчицей. Знал бы, что они с Ритой нашлись в Одноклассниках и списались.

Тогда, в поезде, Мари заявила, что на дух не переносит все эти социальные сети.

«Болото! — восклицала она. — Половину друзей засосало. Нет, я — сторонница живого общения».

А три месяца назад, видать, изменила мнение, завела-таки аккаунт.

Рита обрадовалась, но не утерпела, съёрничала: «А как же живое общение?»

«А что поделаешь? — ответила Мари. — Школу закончила, уехала во Владик. Тут или на телефоне повеситься, или через эти чёртовы сети общаться. Не забывать же старых друзей, что в Хабаровске остались. Ну и вот тебя нашла к тому же».

Правда, не очень-то разговорчивой стала Мари, приключениями особо не делилась, больше жаловалась на нехватку времени. Но иногда случались разговоры по душам. Всё-таки намного легче откровенничать с тем, кого в глаза не видишь и вряд ли ещё встретишь.

Рита открыла ноутбук, зашла в Одноклассники. Мари в Сети не было, зато там тотчас появилась Вика. И посыпались вопросы: «Как доехали? Что он сказал? А что родители?»

Разговаривать с ней совсем не хотелось, но носить в себе тревогу и ни с кем не поделиться было и вовсе неумогу. Договорились встретиться в пять в скверике рядом с домом и всё обсудить.

Как бы Рита ни злилась на Вику, а ведь ждала пяти часов, словно непутёвая подруга могла одним махом решить все проблемы. Ждала и места себе не находила. Пробовала сесть за уроки, но в голове безраздельно властвовали мысли о том, что случилось вчера и чем всё это, возможно, отольёт-

ся в будущем. Ни о чём другом попросту не думалось. Даже аппетит пропал, хоть на обед мама приготовила голубцы в сметане, Ритины любимые.

Без десяти пять Рита уже вышагивала вокруг высохшего фонтанчика, нетерпеливо поглядывая по сторонам в ожидании Вики, которая в кои-то веки не заставила себя долго ждать.

Она подскочила к Рите довольная, цветущая, словно накануне вовсе и не она тряслась от страха и заливалась слезами.

— Чего такая весёлая? — спросила Рита хмуро.

— Ну а что? Обошлось ведь. Жаль только телефоны ушли. Не знаю, как теперь у матери новый выпросить... Да что ты так грузишься, Маргоша? Всё же нормально. Ну по-нервничали малость. Зато будет что вспомнить.

— Совсем рехнулась! Я не знаю, как этот кошмар поскорее забыть.

Вика дурашливо хихикнула.

— А Явлегин-то за лето какой стал, а? Прямо красавчик, как с обложки. Правда же?

Рита уставилась на Вику сердито, исподлобья.

— Я имею в виду лицо, ну и фигуру. А ты что, всё ещё злишься на него за старое? Он же нас вчера спас.

— Спас, — угрюмо повторила Рита. — А ты не думаешь, что он может растрепать про вчерашнее?

— А что он скажет-то? Что его дружки нас силой куда-то

завезли и чуть не изнасиловали?

— Дура ты. Слышала, как они про нас вчера говорили? Обдолбанные! Пьяные! Сели в тачку к незнакомым мужикам. Сами! И всё. Остальное даже договаривать не надо. Этого уже с лихвой достаточно, чтобы на нас все пальцем показывали. А если мои родители узнают... Господи, я даже подумать об этом боюсь. А в школе? Ты представляешь, что будут говорить о нас в школе? А Игорь? Короче, я вообще сразу повешусь.

Что скажут в школе, Вике было абсолютно плевать. Она и так в монашках не числилась. А вот от родителей жди репрессий как пить дать.

— Ну а зачем ему об этом рассказывать?

— Как зачем?! Отомстить.

— Да он уж простил давно. И забыл.

— Угу. По-твоему, Явлегин похож на того, кто прощает обиды?

— Ну... не знаю. Мало ли что было.

— Господи, Вика! Сама подумай, если бы тебя изводили не раз, не два, а постоянно, в течение нескольких лет, ты бы вот так просто взяла и забыла обо всём? Особенно тот последний раз, перед экзаменом... Хотя... ты бы, может, и забыла. Но Явлегин не такой. Вчера он нас, конечно, спас. Но тут другое. Нас там могли вообще убить.

— Ты преувеличиваешь!

— Да ну! А ты думаешь, нас туда силком привезли про-

сто пообщаться за жизнь? Да мне сам Явлегин рассказал, что там с нами могли сотворить. Поверь, ничего хорошего. Так что да, он нас здорово выручил. Но совсем другое дело отыграться за былые обиды, опозорить нас, меня, по крайней мере. Ты-то с ним не особо враждовала.

— Да уж, помню ваши войны... И что теперь?

— Не знаю. Надо как-то убедить его молчать. Но как... Я думала, может, денег ему предложить, но чувствую, не то это. Только хуже будет.

— Слушай, Марго, у меня идея! А ты с ним замути!

— Совсем сдурела?!

— Не всерьёз, а так... Сходи с ним куда-нибудь, пообщайся, очаруй — умеешь ведь. Ему и не захочется тебе мстить.

— Чушь какая-то, — покачала головой Рита.

— Да почему? Я же не говорю встречаться с Явлегиным по-настоящему. Скажем так, просто наладь с ним отношения. Чтобы вражды между вами больше не было. Чтобы он не захотел тебе вредить. Понравься ему — это самый быстрый способ установить контакт, сама же знаешь. И необязательно потом углубляться и всё такое. Помнишь, в прошлом году в школе билеты на ёлку в филармонию давали и нам не досталось? А как ты улыбалась Сычёву, который последние билеты забрал, помнишь? И что он сделал? Отдал свои билеты тебе. Вот! О чём я и говорю. И тут то же самое.

— Явлегин не Сычёв. Его одними улыбками не купишь.

— Откуда ты знаешь? Он что, не пацан, что ли? Марго, я

тебя просто не узнаю. И потом, какой у тебя выбор?

— Ну хорошо, допустим. А Игорёк? Ты же знаешь, какой он ревнивый.

— А откуда он узнает? Мы ему не скажем!

— Ладно. Но как ты вообще себе это представляешь? Где я и где Явлегин! Мы с ним вообще не пересекаемся. Он даже в школу почти не ходит. Как, интересно, мне его очаровывать? На расстоянии? Мысленно?

— Прояви инициативу. Позвони, позови куда-нибудь.

— Ты что?! Да я и телефона его не знаю.

— Это вообще не проблема. Телефон можно и у классной спросить. Или у Семакина взять. Они же вроде как общаются или раньше общались. Позвони, мол, поблагодарить, а дальше...

Викина идея казалась Рите совершенно нелепой. Естественно, она не станет выпрашивать телефон Явлегина, звонить ему, ещё и звать куда-то. Это просто абсурд полнейший. Оставалось лишь надеяться, что Явлегин не из болтливых, да и на уроках он не частый гость. Может, пронесёт? Но как она себя ни обнадёживала, тревога не отпускала...

Утром, в школе Рита всматривалась в лица одноклассников, особенно Семакина, пытаясь распознать, пошли сплетни или нет. Но все вели себя как обычно, и Рита постепенно успокоилась.

Вот только смотреть в глаза Игорьку, когда ложь ещё так жива, было тягостно. Тем более он устроил ей настоящий допрос с пристрастием: почему весь день была недоступна?

Пришлось соврать, что телефон потеряла.

— Как ты могла его потерять? Где? — кипятился Игорёк.

— Сама не знаю, — пожимала плечами Рита, но Игорь не унимался.

— А ты что, куда-то ходила?

— Да нет, только с Викой в сквере встречались вчера. Может, выпал.

— А во сколько встречались?

— В пять.

— Я с утра звонил. Он уже был отключён.

— Игорь, ну я не знаю! Я не помню, когда его потеряла!

Игорёк подчас становился невыносим. Ей и так на душе гнушно, а он прижал и толкает на новое враньё.

— Кстати, я и Вике твоей звонил. Тоже была недоступна.

— Ой, ну про Вику я уж точно ничего не могу сказать.

После этого Рита старалась избегать Игорька на перемене.

нах, а с последнего урока и вовсе отпросилась: не хотела идти с ним вместе домой.

Едва прозвенел звонок и галдящая толпа растеклась по кабинетам, она взяла в гардеробе куртку и выскочила из школы навстречу приветливому солнцу, разогнавшему вчерашнюю хмарь. Зажмурившись, всей грудью вдохнула пряный осенний воздух.

Хорошо-то как! Казалось бы, что такого? Ушла всего на каких-то сорок минут раньше, но душа радовалась, точно неожиданно вырвалась на свободу. Когда уходишь со всеми, после окончания занятий, такого ощущения не бывает.

Рита подставила лицо лучам и лёгкому ветерку, наслаждаясь этим коротким мгновением. И вдруг словно кожей почувствовала чей-то пристальный взгляд. Встрепенулась, открыла глаза и увидела буквально в двух шагах Явлегина. От неожиданности она остолбенела.

— Привет, Загорецкая, — лениво поздоровался он. — Пока все учатся, ты солнечные ванны принимаешь?

Она смутилась, даже зарделась. Это уж точно что-то новенькое. Сроду не краснела, да и было бы отчего!

Рита тревожно посмотрела на Явлегина, но ни во взгляде, ни в выражении лица не нашла издёвки. Скорее, любопытство.

— Что-то я тебя не узнаю, Загорецкая, — он приподнял тёмную бровь. — Ты ли это? Всегда такая разговорчивая, а тут вдруг как воды в рот набрала.

— Я просто... — Рита сглотнула и договорила, — просто не ожидала тебя тут увидеть.

— Да я сам себя не ожидал тут увидеть, — усмехнулся он.

Снова повисла неловкая пауза. Впрочем, неловко было только Рите. Явлегин же разглядывал её без тени смущения, отчего она нервничала ещё сильнее.

— А ты на уроки пришёл? — нарушила она наконец невыносимое молчание, уловив в собственном голосе противную дрожь.

Явлегин снова взметнул брови и коротко рассмеялся.

— Нет, Загорецкая, — покачал он головой. — Я к тебе пришёл.

Жаркая, душная волна тотчас окатила её. Рите казалось, лицо выдавало все её эмоции, правда, какие — она и сама толком не понимала, но знала, что хотелось их скрыть и самой спрятаться от этого пронизывающего взгляда.

Она отвернулась, будто что-то интересное увидела вдали. Глубоко вздохнула раз-другой, взяла себя в руки и, почти успокоившись, переспросила:

— Ко мне? А зачем?

— Да вот, увидеть захотелось, аж занемог, — снова засмеялся он.

Рита ошарашенно посмотрела на него, гадая, шутит Явлегин или нет. А тот вынул руку из кармана и протянул ей что-то тёмное. Она перевела взгляд — её айфон.

— О! — только и вырвалось у Риты.

— Возвращаю в целости и сохранности, еле у Дэна отжал,
— он достал ещё два телефона, Дашкин и Викин. — На вот,
передай своим подружкам.

— Спасибо, — пролепетала Рита.

— Да не за что. А мама-то с папой тебя не сильно ругали
в субботу?

Она покачала головой, чувствуя, как щёки густо заливают
жгучий стыд.

— Или они пока не знают про твой загул?

Рита уловила лишь «пока» — что он этим хотел сказать?
Сейчас не знают, но скоро узнают? Не от него ли? Ну а от
кого ещё, собственно?

Явлегин ухмыльнулся и пошёл к школьным воротам,
небрежно бросив напоследок:

— Ладно, Загорецкая, бывай.

Через пару шагов оглянулся, не останавливаясь, и с
усмешкой крикнул:

— Не ходите, девочки, по ночам гулять.

Рита смотрела ему в спину, а в голове так и вертелись Ви-
кины слова: "Замути с ним! Очаруй его!". И тут же его: "Или
пока не знают...?".

Вот он дошёл до ворот. Ни разу больше не обернулся.

Рита сбежала с крыльца. Все разумные доводы — глупо,
нелепо, некрасиво — канули втуне. И откуда только взялась
эта внезапная решительность?

— Саша! — крикнула она, лихорадочно соображая, что

говорить дальше. Ей и по имени-то его называть было неловко, словно это другой человек, совсем не тот, с кем она так отчаянно враждовала. Ей с трудом удалось совладать с собственным лицом.

Явлегин остановился, подождал Риту. Молчал, но смотрел вопросительно, даже с лёгким недоумением.

Господи, что сказать-то? — думала она. И в конце концов одарила его своей коронной улыбкой. Улыбалась Рита красиво, в меру обнажая белые ровные зубы. И знала — её улыбка действовала безотказно.

— Ты очень спешишь?

— Не особо, — протянул он удивлённо. — А в чём дело?

— Да ни в чём. Просто домой неохота. Родители ждут к двум, пристанут, почему раньше пришла. Может, прогуляемся? Полчасика всего...

— Загорецкая, так ты и вправду сбежала? Куда катится мир! Хотя... стоит ли удивляться каким-то прогулам после твоего субботнего демарша?

Его слова больно укололи, но Рита сделала вид, что пропустила их мимо ушей, и как ни в чём не бывало воскликнула:

— Слушай, а пойдём в «Лагуну»? Сыграем в аэрохоккей. Спорим, я тебя сделаю? — и затем с искусным налётом лёгкой грусти добавила: — Но если ты торопишься, то иди, конечно. Я тогда просто поброжу одна.

Явлегин молчал, она уж думала ничего из её затеи не выгорит, как он вдруг согласился:

— Ладно, всё равно нечего делать, пошли, составлю тебе компанию, прогульщица.

— Ой, кто бы говорил! — съехидничала она, приправив слова чарующей улыбкой.

Он не предложил ей взять его под руку и вообще не вынимал рук из карманов. А сама Рита не решалась его коснуться.

— А ты где живёшь? — спросила она, не зная, как ещё завязать разговор.

— А что? В гости хочешь напроситься? — и посмотрел так, словно жаром опалил.

— Нет, просто спросила, — смутилась Рита.

— Да вот как раз рядом с «Лагуной» и живу. А ты думаешь, почему я согласился туда пойти?

Рита сама не понимала, отчего эти слова ранили её. Точнее понимала, что попытка очаровать провалилась с треском. Не с ней, не из-за неё он пошёл, а просто потому что по пути, но почему от этого стало больно? Ну и ладно. Плевать на него. Пусть куда хочет, туда и идёт! Всё эта Вика-идиотка со своими дурацкими идеями!

Эти мысли пронеслись в одну секунду, Рита лишь надеялась, что лицо не выдало её разочарования. Однако улыбаться больше не хотелось, как и пытаться завести беседу. Она угрюмо брела рядом с Явлегиным, кляня себя за глупость и

самонадеянность.

Развлекательный центр «Лагуна» возвышался на пригорке, с трёх сторон окружённый аккуратными ёлочками. С фасада территорию облагородили: выложили красивой плиткой, разбили клумбы, поставили светомузыкальный фонтан, который, правда, с сентября перестал работать. Ну а тылы оставили нетронутыми.

За зданием виднелись неряшливые тополя с остатками пожухлой листвы да горстка старых двухэтажек, построенных, наверное, ещё до войны. Лепнина на фасадах смотрелась неуместно на фоне облезлой грязной штукатурки и ветхих окон. Впрочем, некоторые жильцы поставили себе пластиковые стеклопакеты, которые напоминали яркие заплатки на старой, выцветшей ткани.

Вместо привычной детской площадки с опрятными горками-качелями, двор был утыкан «ракушками» и столбами с натянутыми верёвками, на которых сушились простыни.

У одного из домов под тополем обустроили столик с лавочками. Сейчас там сидели парни, время от времени разрывая громким хохотом сонную полуденную тишину.

Один из них окликнул Явлегина:

— Санёк!

Но тот лишь полуобернулся, коротко кивнул и пошёл дальше.

«Слава богу!» — вздохнула Рита. С недавних пор компании незнакомых разнузданных парней внушали ей опасения.

Асфальта здесь в помине не было, а вчерашний дождь превратил землю в сплошное месиво. Они подходили к «Лагуне» с тыла, лавируя среди луж.

«Интересно, в каком доме живёт Явлегин», — подумала Рита, оглядывая однотипные, некогда жёлтые двухэтажки. И, отвлёкшись, угодила в скользкую жижу. Нога поехала, лодыжка больно подвернулась, и Рита, не удержав равновесие, упала.

И тотчас раздался новый взрыв оглушительного хохота. От бессильной злости, отчаяния, позора на глазах выступили слёзы. Ну почему это с ней происходит? Сроду не падала, а тут раз за разом, и снова в лужу, и снова при нём! Это проклятье такое?!

— Ой-ё! — присвистнул Явлегин. — Загорецкая, тебя ноги, гляжу, всё время подводят.

Он протянул Рите руку, помог подняться. Затем оглядел её, плохо скрывая рвущийся наружу смех.

— Пошли ко мне, почистишься, — он подхватил её за локоть и, под смешки и любопытные взгляды парней, поволок за собой. — Напросилась-таки в гости.

Рита лишь угрюмо посмотрела на него. Правда, заметила, что стоило ему, проходя мимо, взглянуть мрачно на парней, те сразу умолкли и отвернулись.

Явлегин привёл её к одной из двухэтажек, на углу которой

висела синяя табличка с надписью: «Кедровая, 2/а».

В доме была всего одна дверь, причём самая обычная, деревянная, без всяких домофонов и электронных замков — входи кто хочешь. Однако в подъезде оказалось опрятно и как-то по-домашнему, что ли. Чистый пол, светло-зелёные стены, даже горшки с традесканциями и плющом в подвесных кашпо.

Они поднялись на второй этаж. Остановились у квартиры номер шесть. Явлегин вынул из кармана ключ, открыл дверь.

— Велкам, — он пропустил Риту вперёд. — Разувайся. Ванная вон там.

Рита шагнула в прихожую, скинула туфли, огляделась.

В доме царила идеальная чистота, будто в квартире только-только закончили генеральную уборку. Всё здесь выглядело большим и добротным. Высоченные потолки, метра три с половиной, не меньше, огромные окна, массивные дубовые двери с резными филёнками, каменные и очень широкие подоконники — с целый кухонный стол. Казалось, дом бережно сохранил всё лучшее от минувшей эпохи. Впрочем, ванная оказалась вполне современной: симпатичная кремовая плитка, новый санфаянс, точечные светильники, хромированный полотенцесушитель.

Рита оглядела себя. Юбочка вся в грязи. И колготки не лучше. Белая блузка забрызгана. Не думая, разделась до плавок, почистила одежду, повесила сушиться, сама помылась под душем и только потом сообразила, что ей нечего надеть.

«Чёрт! Вот дура несчастная! Что делать-то теперь? Не сидеть же в ванной, пока юбка не подсохнет? Или сидеть?»

Как назло, и полотенца-то большого не нашлось.

А через пару минут в дверь стукнул Явлегин:

— Ты там уснула что ли?

— Саш, — жалобно протянула Рита, — у тебя нет чего-нибудь накинуть, пока у меня одежда сушится?

Он не ответил, а через минуту снова постучал. Рита прижала крохотное полотенце к груди и, встав подальше от двери, отодвинула щеколду.

К счастью, заглядывать он не стал, просто просунул в щель руку с одеждой — спортивными штанами и футболкой.

В Сашиных вещах Рита буквально утопала. Зато какой свежестью пахла эта одежда. Сразу вспомнила свои издёвки по поводу его гардероба и устыдилась. Какая же дура она была, ужас просто.

Наконец Рита вышла из ванной, поддерживая штаны рукой, чтоб не слетели.

— Загорецкая, — окликнул её Явлегин из комнаты, что находилась в конце просторного коридора. — Двигай сюда.

Она осторожно вошла, скромно присела на краешек дивана. Здесь, как и во всей квартире, был порядок, хоть и сразу видно, что хозяин комнаты — парень. Всё лаконично и без прикрас.

Рите хотелось как следует рассмотреть его жилище, но он

не сводил с неё изучающего взгляда. Она кожей, каждой клеточкой чувствовала растущее между ними напряжение, отчего даже дышалось как-то по-другому. Хотя внешне Явлегин выглядел вполне спокойным. Но чувствовалось же! Может, всему виной невероятность ситуации? Ведь скажи кому, что она сидит дома у Явлегина, да ещё в его одежде — никто не поверит!

— Я уж боялся, ты решила поселиться в моей ванной.

Рита снова смутилась, сама не понимая, отчего в его присутствии она так нервничает и теряется. Раньше за собой ничего подобного она не наблюдала.

— А мой прикид тебе к лицу, только на Филипка смахиваешь, — усмехнулся он.

Он развалился в кожаном кресле-вертушке, спиной к компьютерному столу и лицом к ней.

— Не думала, что ты Толстого читал.

Лицо его вмиг окаменело.

— Ещё бы. Ты, поди, думала, я вообще читать не умею и вместо подписи крестик рисую.

— Нет, — Рита покачала головой, сожалея о своих словах и ещё больше — о язвительном тоне.

Он отвернулся к монитору. На экране загружалась какая-то игра.

Теперь Рита чувствовала его злость, так хорошо ей знакомую. Из-за спинки кресла виднелись только чёрные густые

вихры.

— Ты что, обиделся? — спросила она.

— Вот ещё. Я тебе что, девочка — обижаться?

— Ну пойми. Я же не со зла, в шутку. Ты меня подкальываешь, я — тебя. Без всякого умысла. Хотя я понимаю тебя...

Явлегин не оборачивался и не отвечал, но Рита видела, что он её слушает. По крайней мере, игра запустилась, но он вышел в меню и ждал.

— Ты злишься на меня не только за сегодняшнее, но и за всё другое. И ты прав...

— Да делать мне нечего, — он снова повернулся к ней.
— Загорецкая, ты правда считаешь, что, кроме тебя, мне и думать больше не о чем?

— Не в этом дело. Я столько тебе гадостей наговорила и сделала за все эти годы, а ты, после всего, так меня... нас выручил. И позавчера, и сегодня. Отплатил добром за зло.

— Загорецкая, я сейчас слезу пушу, — съёрничал он.

Пусть насмешничает, главное, Рита видела, злость ушла. Ведь она и вправду говорила серьёзно, от души.

— Знаешь, — стараясь не обращать внимания на насмешки, продолжала она, — мне и раньше было стыдно за свои слова и поступки. Я понимаю, что вела себя глупо, гадко. А теперь я себя просто ненавижу. Сама себе противна. Честно... Не знаю, сможешь ли ты меня простить...

— Ладно, Загорецкая, считай, уже простил. Играла когда-нибудь в Обскур?

Она покачала головой, всё ещё взволнованная собственным признанием.

— Бери вон стул, иди сюда, — велел он. — Садись рядом. Зарубимся вместе.

— Я не умею.

— Ничего. Я тебя сейчас научу. Ничего сложного нет. Ты вообще играла в какие-нибудь игры?

— Ну да, в Зуму, Луксор, Сокровища Монтесумы. А ты в этот Обскур играешь?

— Не-а, то, во что я обычно играю, ты не вывезешь. Просто в Обскур можно играть вдвоём на одном компе. Что стоишь? Давай уже, садись.

Рита послушно придвинула стул и села рядом с ним.

— Ты играешь этими клавишами. Вот так — идти, вот так — стрелять.

— Стрелять?

— Ну да, сейчас монстров мочить будем. Наши герои вот. Короче, мы типа в школе, где директор — главный злодей. Прямо как в нашей.

Рита удивлённо вскинулась:

— Разве? По-моему, Пётр Алексеевич наоборот...

— Ладно, проехали, не будем трогать царя. Не отвлекайся. Под школой катакомбы, где обитают всякие мутанты. Их надо по пути всех перемочить и самому уцелеть, потом... ну ладно, остальное по ходу буду объяснять. Запомнила? Вот этими клавишами играешь. Вот так — стрелять. Наводить,

к счастью, не надо.

Сначала Рита играла неуклюже, нажимала совсем не туда и делала не то. Не привыкла она к таким играм, а ещё сильно отвлекали прикосновения его руки, случайные и обжигающие.

Рука у него была сильная, смуглая, с выступающими венами, пальцы прямые, длинные, с аккуратно остриженными ногтями.

Рита тоже всегда коротко стригла ногти и если красила, то только бесцветным лаком. Не то что Вика с Дашкой, которые каждую неделю щеголяли новым расписным маникюром. Она, может быть, тоже такую красоту себе делала бы, но волейбол и маникюр, увы, не совместимы.

— Давай же! — Явлегин легонько подтолкнул её локтем, снова опалив кожу. — Что застыла? Стреляй!

Рита попробовала включиться и, как ни странно, постепенно втянулась, да так, что и в самом деле увлеклась и не заметила, как прошёл час с лишним.

— Молодчина! Вот видишь, а говорила, не умеешь.

Явлегин положил ладонь ей на руку, и Риту словно током пронзило. Тотчас все мысли вылетели из головы. Она инстинктивно вытянулась, напряглась, как струна. Взглянула на его руку, потом на него. Какой он красивый, и в профиль тоже, подумалось ей. Прямой нос, длиннющие чёрные ресницы, гладкая кожа без всяких там прыщей или угрей.

Явлегин как почувствовал, скосил взгляд на Риту, затем повернулся, посмотрел в упор. Его глаза оказались так близко, что она задохнулась от волнения. И как изменился его взгляд!

Сначала — насмешливый, словно спрашивал: «Ну что там у тебя опять случилось?». Но буквально за несколько секунд в нём промелькнула целая гамма эмоций, и вот уже зрачки расширились, а глаза явственно говорили, что он всё понимает. Его взгляд, особенно такой, потемневший, обжигал не меньше, чем случайные прикосновения, заставляя звенеть внутри каждую клеточку.

Явлегин скользнул глазами по лицу Риты, остановился на губах. Сердце её затрепетало. Вся кровь хлынула горячим потоком в голову, бешено застучала в ушах. Напряжение достигло пика, сам воздух, казалось, потрескивал — ещё чуть-чуть, и взрыв неминуем.

Она знала, что сейчас произойдёт, должно произойти, и ничуть, ни единой мыслью не хотела этому противиться. Наоборот... Но в последний миг всё же не выдержала. Как ужаленная подскочила со стула, метнулась к окну. Руки судорожно вцепились в подоконник.

«Боже, что со мной творится?»

Лицо, уши, всё тело полыхало огнём. И эта дурацкая дрожь, никак её не унять! Даже дышалось с трудом.

Явлегин молча выключил игру и сидел не оборачиваясь.
— Пойду проверю одежду, — срывающимся, глухим го-

лосом произнесла Рита. — Наверное, уже высохла.

Юбка и колготки были ещё влажноватые, но она всё равно стала переодеваться. Руки ходили ходуном, еле пуговицы на блузке застегнула.

«Что ж я за дура такая? Мне от Явлегина надо держаться подальше, а я домой к нему припёрлась. Надо уходить, немедленно!».

Но Рита боялась не его, а себя. Каких ещё глупостей она может наделать, если от одного его взгляда совершенно теряет голову? Что с ней такое творится?

Выскочив из ванной, сразу направилась в прихожую, крикнув, что уходит. Снова заглянуть в его комнату больше не решилась.

Рита уже стояла у входной двери, пытаясь разобраться с замком, когда почувствовала, что Явлегин остановился сзади, совсем близко.

Она замерла, обернулась. Он был ещё ближе, чем казалось, — всего в шаге. Рита выдохнула, обессиленно привалилась спиной к двери. Сумка выпала из рук. Будь что будет.

В прихожей стоял полумрак, но ей не нужен был свет, чтобы увидеть его жгучий взгляд. Сердце вновь заколотилось, как бешеное. Дыхание стало частым, шумным, а ноги вмиг ослабели. И захоти она теперь убежать — не смогла бы. Да ей и не хотелось...

Явлегин шагнул к ней и, чуть склонив голову, тронул гу-

бами висок, скулу, щёку, нашёл её губы. Провёл по ним слегка, едва касаясь, а у Риты всё поплыло перед глазами. До дрожи вдруг захотелось большего. И он, уловив её порывистый вздох, приник с жадностью. Они целовались с тем же исступлением, с каким совсем недавно ненавидели друг друга.

Через несколько минут он оторвался от неё. Видно, что нехотя, с трудом. Дышал тяжело и смотрел полупьяным взглядом. Едва переведя дух, охрипшим голосом произнёс:

— Мать скоро вернётся с работы. Пойдём я тебя провожу.

У Риты голова шла кругом. Как во сне она подобрала с пола сумку, застегнула молнию на куртке.

На этот раз он подал ей руку.

— Держитесь, мадемуазель, а то вдруг опять ноги откажут.

К нему снова вернулось насмешливое настроение, будто это и не он всего пять минут назад был сам не свой. Рита же до сих пор не могла прийти в себя. Её буквально раздирали чувства: новые, острые, необычные.

Дома встретили с расспросами. Где так задержалась? Что случилось? Почему не сообщила?

Впрочем, у мамы и мысли не возникло, что дочь могла намеренно прогулять урок, ну а про остальное тем более бы не подумала. Но всё равно пришлось на ходу сочинить правдоподобную отговорку.

Весь день Рита двигалась словно на автомате: пообедала, решила алгебру, прочла параграф по истории. Хорошо, что ничего сложного не задали, иначе как знать, смогла бы она справиться или нет. Голова начисто отказывалась сообщать, думалось только о нём, о Явлегине. О его руках, губах, глазах. Мечталось всякое, стыдное и упоительное. Никогда такого с ней не бывало. Ни разу Игорёк так её не будоражил, не заставлял сердце выпархивать из груди.

Но как же неожиданно всё случилось! Как стремительно! Словно шторм. Не пропасть бы...

Заиграл мобильник, прервав волнующие мысли. Рита взглянула на экран — Игорёк.

Она тут же скисла. Не хотелось с ним говорить. Не сейчас. Но, если не ответишь, завтра и вовсе замучает расспросами. Нехотя Рита нажала «принять».

— Марго, это как понимать? — Игорь сразу начал с нападок.

— Ты о чём? — вяло поинтересовалась Рита, хотя прекрасно понимала, что он имел в виду.

— Почему тебя не было на последнем уроке?

— Мне надо было уйти. По делу.

— По какому такому делу? Почему я о нём ничего не знаю? Ты от меня что-то скрываешь?

От его вопросов, от требовательного тона заныли сразу все зубы.

— Игорёк, у меня что, не может быть личных дел? — вскипела она. — Я должна за каждый шаг перед тобой отчитываться?

Он опешил. Обычно Рита без возражений рассказывала ему, зачем, куда и с кем ходила. И секретов у неё от него не было. Что теперь не так? Откуда это неприкрытое раздражение?

Голос Игоря изменился.

— Не отчитываться, а делиться, — поправил с обидой.

— По твоему тону, Игорёк, так не скажешь.

— Потому что я беспокоился. Ты исчезла, никому ничего не сказала...

Рита молчала.

— Ну?

— Что ну?

— Куда ты ходила-то?

— Игорёк, перестань. Тебе это знать необязательно.

— Даже так?

— Всё, Игорёк, пока. У меня на второй линии звонок...

— От кого?

Но Рита уже дала отбой.

«Распустила я Игорька, — подумала она. — Ишь как командует!»

Раньше, да что там, ещё совсем недавно, ей и вправду нравилась его чрезмерная опека. На фоне других мальчишек-шалопаяев её Игорь выглядел таким серьёзным и надёжным, таким безукоризненно правильным. Вон у Дашки Славка плевать хотел, где его подруга пропадает. Даже не так. Дашке самой постоянно приходится его искать. То у него футбол, то пацаны позвали, то ещё какая-нибудь отговорка. У Вики вообще сроду не было серьёзных отношений. Месяц-два походят — и разбежались. Про остальных девчонок в классе и вовсе сказать нечего. А ей все завидовали.

Рита видела, с какой тоской поглядывают на них с Игорем одноклассницы. Правда, однажды, в уборной случайно подслушала неприятный разговор Щербаковой и Маринки Грибановой.

Маринка вздыхала:

— Игорь Чепурнов такой классный! Повезло Загорецкой. Он так о ней заботится, прямо пылинки сдувает. И вообще, они такая красивая пара!

На что Щербакова фыркнула:

— Тоскливая они пара. Все эти тю-тю-тю, Риточка, здесь не ходи, сюда не садись, — тьфу, смотреть тошно...

И, вот ведь гадина, даже не смутилась, когда Рита вышла из кабинки. Не то что Грибанова, которая сразу покраснела до самых ушей.

В тот момент Рита, конечно, разозлилась и, не сдержавшись, высказала с ехидцей:

— Ну, конечно, Щербакова, гораздо лучше быть как ты, одной и никому нафиг не нужной. Поди, так приятно и так весело, когда на тебя никто даже не смотрит.

Позже Рита успокоилась, убедив себя в том, что Щербакова говорила гадости от зависти. К тому же они и прежде никогда не ладили. Сильно не ссорились, но в войне с Явлегиным всякий раз оказывались по разные стороны баррикад.

Порой Щербакова с Семакиным были единственными, кто отказывался принимать участие в очередной «акции» против него. Класе в восьмом Рита разнесла слухок, что Щербакова влюбилась в Явлегина, и та попала под град насмешек и злых шуток. «А теперь она просто мстит, завидует и мстит», — решила тогда для себя Рита.

Однако она и сама всё чаще стала замечать, как порой назойлив Игорёк. Вон и говорит с ней, как будто она его собственность. Да и скучно с ним. Надёжно, спокойно, но скучно. А теперь, после сегодняшнего, и вовсе...

Мысли снова вернулись к Явлегину. Рита поняла, что ей хочется, очень хочется снова его увидеть. И не когда-нибудь, а как можно скорее. Но как? Когда он снова соизволит показаться в школе? Она не выдержит столько ждать. Она вооб-

ще не из терпеливых. Жить в неизвестности, надеяться каждый день — совершенно не её стиль.

«Вот глупая, — досадовала она, — не могла что-нибудь у него оставить. Завтра был бы повод ещё раз зайти».

Ну ничего, она что-нибудь придумает. Например, построит якобы нечаянную встречу. Главное, она знает, где он живёт. Она ведь вполне может пойти в «Лагуну» как будто просто так. Можно Вику подключить. Подруга на подобные трюки просто мастерица.

Стоп! Какая Вика! Она в жизни не признается никому, даже Вике, в том, что... А, собственно, в чём? Не влюбилась же она в Явлегина? Нет! Такого не бывает. Не за один раз. Хорошо, за два. Всё равно не бывает. Он её просто... заинтересовал. А тянет к нему — так это как плюс и минус. Закон физики.

Но даже и об этом ни слова ни Вике, никому. Иначе что о ней подумают? Что скажут? Да засмеют все. Нет уж, пусть это останется её тайной.

И вообще, может, это всё преходящее? Просто момент такой. А завтра она снова станет благоразумной и идеальной во всех отношениях Маргаритой Загорецкой. Может... А пока не грех и помечтать.

Рита откинулась в огромном кресле, обхватила колени руками и закрыла глаза, вспоминая свои ощущения. Такие непривычные, такие сладостные, что сердце, казалось, ку-

да-то падало. И снова её мечтания прервал телефонный звонок.

— Опять Игорь! — зло подумала Рита, схватила мобильник, думая совсем его отключить, но на экране высветился совершенно незнакомый номер.

Ответила осторожно:

— Да?

— Привет, Загорецкая, — услышала она насмешливый, чуть хриплый голос, от которого тотчас кинуло в жар, даже во рту пересохло.

— Привет, — тихо вымолвила она. Казалось, вместе с сигналом передалось и напряжение. Трубка буквально горела в руке, жгла ухо.

Рита встала, присела на диван, тут же снова встала, подошла к окну, опять присела ненадолго... Кружа по комнате, от волнения чуть не выронила телефон.

— Чем занимаешься?

— А...эмм... уроки сделала только что.

«Чёрт побери, что ты блеешь как овца!» — разозлилась Рита на себя.

— Ясно, пора возвращать репутацию пай-девочки, — хмыкнул он. — Пошли лучше в кино.

Вот так запросто, без всяких экивоков взял и позвал. И нет сил отказаться, потому что самой хочется пойти с ним хоть в кино, хоть ещё куда-нибудь — куда угодно.

Рита бросила взгляд на настенные часы. Почти десять.

— Но уже поздно, меня родители не поймут.

— Да не сегодня, Загорецкая. Завтра. Я, как культурный человек, заранее тебя приглашаю.

— А куда? В смысле, в какой именно кино...

— В «Лагуну», само собой. Мы же до неё так и не дошли,
— усмехнулся он.

— А во сколько?

— К шести подходи.

— Хорошо, — едва сдерживая трепет, выдохнула Рита.
— А...

Но Явлегин, не попрощавшись, отключился.

«Хам какой!» — с улыбкой подумала она. Но всё это ерунда. Главное, он сам её пригласил! И голову ломать не надо, и встречу подстраивать. И завтра она снова его увидит!

Правда, завтра у неё волейбол, как раз с шести до восьми. Но плевать. Да ну его, этот волейбол! Вот только придётся снова врать родителям, Игорьку, потом ещё и тренеру. Ну и ладно. Язык не отсохнет.

В радостном предвкушении она легла спать. Сон никак не шёл, полночи проворочалась и заснула лишь перед рассветом. Но странное дело — наутро чувствовала себя бодрой и отдохнувшей, словно проспала полноценных девять часов.

В школе её приподнятое настроение немного омрачил Игорёк, который снова привязался со своими расспросами: куда ходила, что делала. Да и уроки тянулись как никогда

долго и нудно.

Зато волейбольная секция стала отличным предлогом, чтобы избавиться от Игорька, у которого тоже вдруг наметились планы на вечер. Точнее, и не планы вовсе. Просто к Чепурновым приехал родственник, и не откуда-нибудь, а из Англии.

Возвращение родственника в родные пенаты решили отметить тихо, по-семейному. Впрочем, Рита знала, каковы они, семейные ужины у Чепурновых. В большой гостиной — есть ещё две поменьше — сервировали стол под стать великосветским приёмам. Их повар готовил немыслимые изыски с тремя переменами блюд. И подчас Рита не знала, как, что и чем есть. Да и вообще чувствовала себя в такой помпезной обстановке очень неудобно.

— Приходи, Маргоша, ты же практически член нашей семьи. Мама будет очень рада. А мой дядька, ну тот, что из Англии, столько всего интересного расскажет. И ты можешь потренировать английский. Ты же говорила, что не очень принимаешь его на слух. Вот и будет тебе практика.

Рита и в другой-то ситуации не слишком бы жаждала присутствовать на чествовании родственника Чепурновых, а сейчас, когда её так тянуло совсем на другую встречу, и недавно отказалась.

— Игорёк, я не могу. Честно. Ты же знаешь, у меня сегодня волейбол.

— Да подумаешь, волейбол! — негодовал Игорь. — Как

вообще такое можно сравнивать! Ну пропустишь разок тренировку. Ничего страшного не случится.

— Нет, я обещала Марине Владимировне, что обязательно сегодня приду, — глазом не моргнув, соврала Рита. Разумеется, ничего такого тренеру она не обещала. И с чего бы, если она и так ни разу не пропустила?

Раздосадованный Игорь даже не стал её провожать до дома. И слава богу, подумала Рита, устав с ним препираться.

Дома на неё надела мама, которая откуда-то успела узнать про ужин у Чепурновых. Неужто Игорь её подключил?

— Риточка, сходи. Что тебе этот волейбол? Ни уму ни сердцу. Ты же не собираешься связать с ним жизнь. А вот Игоря не стоит обижать...

— Не пойду я к Чепурновым! Кстати, помнится, ты сама в шестом классе затащила меня на волейбол, чтобы я выправила осанку, а теперь — ни уму ни сердцу.

— Но ты же её уже выправила, а семья Чепурновых — это, возможно, твоё будущее. Галина Романовна и нас с отцом пригласила. Так что идём все вместе.

— Вы идите, а я не пойду, — отрезала Рита, пожалуй, слишком резко. Но ведь, в конце-то концов, имеет она право выбирать, куда ей идти, а куда — нет?

Мама ещё несколько раз подступалась к ней, но Рита была непреклонна.

Она быстренько сделала уроки, и села ждать... Время, как назло, тянулось убийственно медленно. Волнение между тем

стремительно нарастало. К пяти её уже почти лихорадило. Даже мелькнула мысль, не накапать ли валерианки.

Свидания у Риты случались и раньше, с Игорем и до Игоря, но ни разу ничего подобного с ней не творилось. Обычно она ещё раздумывала: пойти — не пойти? А если выбирала пойти, то всерьёз считала, что делает великое одолжение. Прямо-таки королевской милостью одаривает. А теперь что? Теперь аж минуты считает. Просто помешательство какое-то!

Как бы ей хотелось выглядеть сегодня сногшибательно, надеть лучший наряд, сделать причёску, но следовало придерживаться легенды. Ведь на тренировку в таком виде не пойдёшь. Пришлось одеться как обычно, в узенькие джинсы и облегающую кофточку. Зато видно, какая у неё стройная фигурка.

— Ты вернёшься как обычно? — спросила мама.

Рита напряглась и коротко кивнула.

— Ну, нас с отцом не теряй. Мы, как ты знаешь, будем у Чепурновых. Ужин оставлю на столе. Может, всё-таки передумаешь?

Но она уже выскочила за дверь, на ходу застёгивая куртку.

Рита увидела его издали. Он стоял у входа, стоял не один. Рядом с ним топталась какая-то девица. Высокая, худая и тоже блондинка. У Риты всё внутри оборвалось. Даже идти расхотелось, но тут Явлегин её заметил и, распрощавшись с девицей, направился к Рите.

— Привет, Загорецкая.

— Привет, Явлегин. Я, случайно, не помешала? А то, гляжу, ты уже нашёл себе компанию, — от злости Рита даже волноваться почти перестала.

Явлегин вскинул бровь:

— Ревнуешь?

— Очень надо!

Он лишь усмехнулся. И руки не подал, как вчера, до дверей просто шли рядом.

Не так она себе рисовала свидание с ним. Совсем не так...

Вспомнился Игорёк. Когда у них всё только начиналось, он её буквально цветами забрасывал, а здесь, вместо самого жалкого букетика — какая-то девица. Да и сам Явлегин — вроде вот он, рядом. Но нет той душевной близости, что чувствовалась вчера. Даже куртку не принял, пришлось самой раздеться и сдать в гардероб.

Рита угрюмо проследовала за ним к кассам, подождала, пока он купил билеты.

— Тебе попить, поесть ничего не надо? — поинтересовался он небрежно, кивнув на аппарат с попкорном.

Рита, не пытаясь скрыть разочарование, покачала головой.

— Нет, спасибо. Я не люблю, когда в кино чавкают.

Он снова усмехнулся. Можно подумать, она говорит какие-то нелепости!

Окончательно настроение испортила та девица. Она снова подплыла к Явлегину, и они принялись обмениваться недвусмысленными фразочками.

Рита почувствовала себя совершенно несчастной. Ну разве это нормально: пригласить девушку в кино и при этом откровенно флиртовать с другой?

— Познакомься, Настя. Это Рита Загорецкая, моя одноклассница.

Уязвила её эта «одноклассница».

«А кто я ему, собственно?» — пыталась урезонить себя Рита. Но казалось, что этим словом он перечеркнул всё то, что случилось между ними вчера.

Настя, едва взглянув на Риту, продолжала ворковать с Явлегиным. Рита же, напротив, рассмотрела её с головы до ног. Малолетняя халда — так про себя её окрестила. Если приглядеться, эта Настя казалась на год-два младше их, но тона косметики сглаживала разницу. Одета в дешёвый китайский ширпотреб, причём броско и безвкусно. «Я бы скорее умерла, чем вырядилась в такое барахло». И блондинка не

натуральная, пергидрольная, не то что она, Рита. Ещё и жевала девица не переставая. Нет, эта Настя ей решительно не нравилась. Да их даже сравнивать нельзя — небо и земля. Глупо к такой ревновать, смешно и глупо, и всё же... Скорее бы уже она убралась отсюда!

— Ну ты забегай, если что, — протянула Настя, напоследок выдула и смачно лопнула мутный пузырь. Наконец ушла.

— Подружка твоя? — убитым голосом спросила Рита.

— Знакомая. В соседнем доме живёт. Дэна двоюродная сестра, помнишь такого? — И снова эта проклятая усмешка. Зачем он её позвал? Издеваться?

— Очень бы хотелось забыть, — хмуро проговорила Рита.

— Зачем? Наоборот, помни и в другой раз не прыгай в чужие тачки.

Они заняли места в последнем ряду. Рите уже не хотелось никакого фильма.

«Лучше бы и правда пошла на тренировку. И даже у Чепурновых было бы лучше, чем так...»

Погасили свет. Рита бездумно просмотрела рекламу, и вдруг её словно укололо.

Ещё не ведая, что её так встревожило, она интуитивно вытянулась и напряглась. Чуть повернувшись, увидела, что Явлегин смотрит совсем не на экран. Его взгляд обжигал даже в темноте. Внутри тотчас всё задрожало. Только она открыла рот, чтобы хоть что-то сказать, как он наклонился, уверенно обнял одной рукой и приник к её губам. Целовал он жарко,

страстно, изгоняя мрачную тоску, что тесным обручем сковала сердце, и наполняя душу радостным трепетом.

Рита, в первый миг оцепеневшая, словно оттаяла, заражаясь неистовым пламенем и отзываясь на его поцелуи. Казалось, весь мир исчез, остался только этот миг.

После сеанса Явлегин опять вёл себя как ни в чём не бывало, хотя у Риты в голове всё плыло и ноги еле двигались. Куда делся его пыл? Словно после поцелуев он избавился от напряжения, от накала страсти и... освободился. Правда, и такой он казался ей близким. Почти родным. По крайней мере, сейчас ей с ним было легко, как ни с кем и никогда.

— Ну что, Загорецкая, домой или ещё побродим?

Рите показалось, что в насмешливых зелёных глазах промелькнуло нечто похожее на надежду. Он не хотел, чтобы она уходила. Ей и самой совсем не хотелось идти домой, но и признаться, как с ним хорошо, она не могла. Хотя разве обязательно в этом признаваться?

— Может, всё-таки в аэрохоккей сыграем? — предложила она.

— Давай, — охотно согласился он. — Посмотрим, как ты меня сделаешь.

Он вдруг взял Риту за руку, крепко сжав ладонь, и потянул к эскалатору.

— Я в детстве обожала кататься на эскалаторе, — улыбнулась Рита. — Могла двадцать раз туда-сюда...

Явлегин улыбнулся ей в ответ.

Несмотря на довольно поздний час, в зале игровых автоматов народу было полным-полно.

— Давай я куплю жетоны? — предложила Рита.

Его улыбка вмиг погасла, в глазах появился холод.

— Я просто хочу отблагодарить тебя за всё, что ты сделал, — поспешно добавила она, — но не знаю как. К тому же это моя идея была.

— Глупости не говори, Загорецкая. И чтобы я больше такого не слышал.

Рите стало неловко, хотя ничего дурного она в виду не имела и уж точно не хотела как-то унижить или оскорбить Явлегина. Откуда ей было знать, что он так болезненно воспримет вполне невинное предложение? Игорёк, конечно, тоже всегда платит и за себя, и за неё. Но то Игорёк, он денег не считает. А вот Дашкин Славка, например, наоборот, только рад погулять за чужой счёт.

«Хорошо, что я не предложила заплатить за молчание», — вспомнила Рита.

Лишь в последний, восьмой раз Явлегин позволил ей выиграть, а ведь прежде Рита и правда всех «делала» в аэрохоккей. Правда, она подозревала, что он поддался, уж больно расслабленным и благодушным выглядел. Но всё равно приятно.

Рита покраснела, глаза блеснули, и Явлегин не скрывал, как она ему нравится. Смотрел на неё так, будто никого вокруг не видел. Ловя на себе его взгляды, Рита ликовала. Каждая клеточка пела от счастья.

— Что-то у меня в горле пересохло, пойдём чего-нибудь выпьем, — голос его звучал хрипло и приглушённо.

— Пойдём, я тоже пить хочу, — и Рита одарила его искренней улыбкой, которая красила её во сто крат больше, чем те, из арсенала «как-очаровать-парня».

Они спустились в бар. Заняли маленький круглый столик под раскидистой пальмой.

— Что будешь пить?

— Молочный коктейль с ванилью.

Рита неотрывно наблюдала, как он не спеша подошёл к стойке, как встал в очередь, как призывно ему улыбнулась девушка-барменша. Как затем возвращался с подносом к столику. Даже неся заставленный поднос, он двигался с удивительной грацией, точно пантера. Рита залюбовалась, глядя, какой он стройный, высокий, широкоплечий.

— Ой, сколько ты всего набрал! — воскликнула Рита, чувствуя, как в ней при виде еды тотчас проснулся зверский аппетит.

— Ещё бы! Ты меня так загоняла. Еле хожу. Надо срочно подкрепиться, а то тоже упаду где-нибудь.

Рита схватила салфетку, скомкала и бросила в Явлегина. Тот лишь засмеялся.

На подносе стояли две огромные тарелки с картошкой-фри и гамбургерами и ещё две поменьше — с овощным салатом. Себе он взял колу, ей, как и просила, молочный коктейль.

— Прямо пир горой! — воскликнула Рита. — Но ты хоть в курсе, как всё это вредно? Особенно твоя кола.

— Слушай, Загорецкая, тебе не надоело быть всегда такой правильной? Хотя... о чём это я? Ты на днях наглядно показала, какой ты можешь быть неправильной.

Рита сразу приуныла, улыбка погасла.

— Не грузись, Загорецкая. Я просто не хочу, чтобы такое с тобой ещё когда-нибудь повторилось.

— И не повторится, поверь. Так что необязательно без конца мне об этом напоминать.

— Надо же, какие мы сердитые. Ешь давай! Кстати, всё хочу спросить, что за мешок ты с собой весь вечер таскаешь? Вроде на дамскую сумочку не очень смахивает.

— А-а, это... Моя форма.

— Форма? В смысле?

— Ну шорты, футболка, кроссовки.

— На всякий случай с собой носишь? Типа, вдруг опять упадёшь в лужу? — усмехнулся он.

— Нет, просто у меня сегодня волейбол был...

Ей не хотелось признаваться, что вместо волейбола она пошла с ним в кино, да ещё и родителям наврала.

— Ого! Так ты ко всему прочему волейболистка? И ты

умеешь?

— Ну... до Кати Гамовой мне, конечно, далеко, но кое-что умею. Я блокирую не очень. Но нападающие, особенно в последнее время, получаются неплохо.

— Не знал... Слушай, приходи к нам поиграть.

— К вам? Это куда?

— Да здесь недалеко. Там, за нашими домами, может, видела, есть такое красное кирпичное здание. Когда-то там был спортивный клуб, он вроде как и сейчас функционирует, но на ладан дышит, можно сказать, почти умер. По крайней мере, за год ни разу не видел, чтобы там шли какие-то занятия. Вот мы с парнями там по дешёвке и арендуем спортзал. Занимаемся, иногда играем в баскет или волейбол.

— А девушки там есть?

— Нет. Настя с подругами иногда приходит, просто посмотреть. А так — нет. А ты что, Загорецкая, стесняешься? С каких это пор тебя смущает мужской пол? Не смущает? Ну и всё. Тогда давай, подтягивайся завтра к семи. Сюда подходи, я тебя встречу.

Явлегин проводил Риту до подъезда. У дверей остановился, привалился плечом к колонне.

— Ну пока, Загорецкая. Внутрь входить не буду, а то у вас там цербер сидит. Чуть меня вчера не покусала.

— А ты вчера к нам заходил?

— Утром, когда хотел ваши телефоны тебе отдать. Я забыл, что нормальные детки утром учатся.

— А ты почему в школу не ходишь?

— Неохота. Что я там забыл? Я вообще после девятого уйти хотел, да мать настояла. Прямо с ножом к горлу...

— Но, может, всё-таки...

— Стоп! Мне матери хватает. Каждый день мозг выносит с этой школой.

— А может, она права, и стоит к ней прислуша...

Он не дал Рите договорить, притянул к себе и накрыл рот поцелуем. Потом так же внезапно отстранился.

— Ладно, пока! Завтра в семь, не забыла?

Ещё бы она забыла! Она уже с нетерпением ждёт завтрашний день.

Саня Явлегин сам не понимал, что с ним творилось. Какое-то помешательство, совершенно неподвластное его контролю. Это же Загорецкая! Его извечный враг, твердил он себе. Но всё без толку. Её лицо упрямо возникало перед мысленным взором. От её улыбки теплело в груди. И абсолютно новые чувства рождались... Какие — он и сам пока не разобрался. Нечто смутное, щемящее, пронзительное. Никогда ничего подобного с ним не бывало. Хотелось видеть её, касаться, вдыхать её запах.

А как же он её ненавидел! Как никого и никогда. Не переносил её самодовольного взгляда, её язвительного тона. Наглая, бесстыжая, злобная гадина, способная на какие угодно подлости — только так он думал о ней ещё совсем недавно. Каждая её издёвка намертво отпечаталась в памяти, каждая гнусная выходка, точно язва, осталась в душе. Сколько крови она ему испортила! Да все эти годы он желал, чтобы её вообще не существовало.

Так что же случилось теперь? Почему он думает о ней ежесекундно? Что она делает сейчас? Вспоминает ли его? Придёт ли завтра, как условились? Еле держался, чтобы не позвонить ей. Так хотелось ещё раз услышать её голос, пережить ещё одну минуту, когда она будто рядом, слушает толь-

ко его, говорит только с ним...

Три дня назад ничего подобного не было. Но, увидев её у Лютого, Саня испытал самый настоящий шок. Даже о ненависти забыл. А потом всё как-то неожиданно и быстро завертелось. Слишком неожиданно, слишком быстро...

Приходилось собирать волю в кулак, чтобы ненароком не выказать тех чувств, что обуревали его. Он посмеивался над ней, вовсю старался вести себя грубовато и небрежно, а сам пожирал глазами, стоило ей отвернуться. И сгорал от нетерпения, ожидая момента, когда снова почувствует вкус её губ.

Нет, об этом никто не должен узнать. И прежде всего она, Загорецкая. У неё и без того самоуверенности с избытком. Да и слишком живы ещё были воспоминания о той, прежней Загорецкой.

Хотя он простил её. Ещё в тот день, когда забрал у Лютого, когда привёз домой, а она сказала: «Спасибо, Саша». Такая притихшая, несчастная, она вдруг показалась ему не жалкой и униженной, а трогательной, что ли. И настоящей.

И всё равно не мог он после всего, что было, показать свою слабость, не мог признать, что в три дня совсем потерял голову, не мог довериться ей безоглядно. Лишь целуя её, позволял сжигающим сердце чувствам излиться. Но это другое. Целуются сплошь и рядом, и далеко не всегда это действительно что-то значит. А в душу он её не пустит, нет.

Хотя подчас казалось, что и он ей небезразличен...

Саня ждал её у входа в «Лагуну» и переживал: вдруг не придёт? Стрелка медленно подползала к семи.

На глаза снова попалась Настя. Её в районе знали, вернее, знали Дэна, потому и сестру его не трогали. И малолетняя дурочка совсем распустилась. Какого чёрта она вечерами ошивается у «Лагуны»? Да ещё в таком виде. Ведь сюда всякие ходят. Попадётся какому-нибудь неместному подвыпившему типу и, считай, приключения заработала. Надо будет с Дэном поговорить, пусть вправит ей мозги, подумал Саня.

— Привет, Санёк, — она встала на цыпочки и чмокнула его в щёку.

— Здорово. Ты, гляжу, сюда как на работу ходишь.

— А куда ещё ходить-то?

— Иди домой, уроки делай.

— Ой, кто бы говорил! А ты сам-то здесь что забыл? Или опять ту цацу ждёшь?

— Угу. — Настроение сразу упало. Совсем не хотелось, чтобы по району пошли слухи, будто он торчит тут как дурак, ждёт какую-то девчонку. Цацу!

— Свидание, что ли? Опять в кино пойдёте?

— Нет, — он покачал головой, — слишком много вопросов задаёшь.

— Лучше бы меня позвал на свидание, — кокетливо засмеялась Настя. — А что? Чем я хуже твоей цацы?

— Ничем, Настёна. Ты у нас вообще единственная и неповторимая.

И тут он увидел Риту. Сердце радостно затрепыхалось. Губы сами собой растянулись в улыбке.

Она подходила несмело и казалась какой-то потерянной. Мрачно взглянула на него, потом на Настю. «Неужели и вправду приревновала меня к этой пигалице?», — не без удовольствия подумал Саня.

— Ладно, беги, Настя, а то вон моя цаца уже пришла.

Настя фыркнула и скрылась в дверях «Лагуны».

— Привет, Загорецкая! — Саня подошёл к ней вразвалочку, ни намёком не выдавая, как ждал, как боялся, что она не придёт и как рад, что всё-таки пришла.

— Привет, — уныло ответила она и послушно зашагала рядом.

Он поглядывал на неё искоса, а она отводила глаза. Что не так? Из-за Насти? Если так, то хорошо. А вдруг ей просто не хочется никуда с ним идти? Вдруг ей скучно и пришла она... ну, просто потому что обещала? Эти мысли как-то сразу подпортили радость.

— Ты чего такая невесёлая? — спросил он небрежно. — Покажешь нам сегодня класс?

Она пробормотала что-то невнятное и снова — глаза в землю. Так и дошли до клуба молчком.

В зале уже всюю играли. В вестибюле слышались крики и стук мяча.

— Пойдём покажу, где переодеться.

Рита кивнула, а потом спросила:

— А ты не мог бы меня подождать? Ну чтобы вместе зайти. Я ведь там никого не знаю.

— Не вопрос. Хотя я тебя, Загорецкая, ей-богу не узнаю.

Рита пожала плечами и скрылась за дверью в раздевалке.

Саня переоделся за пару минут и ещё не меньше пятнадцати ждал её. Зато, когда она вышла, у него аж сердце ёкнуло. В коротеньких красных шортах и облегающей белой футболке Рита выглядела бесподобно.

— Ух ты! — не сдержался он, не сводя глаз с длинных стройных ног. — Может, ну его, этот волейбол?

Обнял Риту и, притянув к себе, заглянул в глаза. Думал, сейчас она его оттолкнёт, одёрнет, чтобы руки не распускал. Но она вдруг расслабилась. Именно расслабилась, потому что до этой секунды была напряжена, точно её связали в тугой узел. Синие глаза подёрнуло поволокой, губы приоткрылись. Саша подался к ней, коснулся лёгким поцелуем, почувствовав, что пол уплывает из-под ног...

— Санёк!

Оба вздрогнули.

— Идёшь играть? О! Да ты не один.

Стас. Вот же не вовремя его принесло! Саша оторвался от Риты, пожал руку Стасу. Тот уставился на Загорецкую, не скрывая восхищения. Даже руку ей поцеловал, кавалер. И пока шли в спортзал, ужом вокруг неё крутился.

Саше хотелось послать Стаса, а то и ввалить. Какого черта он к ней прилип? Видел же, что она не одна, с ним.

В конце концов не выдержал, по-хозяйски приобнял её за плечи, а Стасу пожелал не быть таким навязчивым. Вроде шутиливо, но в голосе явственно слышались стальные ноты.

Стас тут же ретировался, а Рита... Сانه показалось, она подавила эдакую самодовольную улыбочку. Он сразу разозлился на себя. Ну что он как дурак, в самом деле? Обещал же себе, не выказывать чувств, особенно при ней!

В спортзале было тихо: ждали только их — Стас уже разболтал, какую красотку привёл Явлегин. Стоило им войти, как все взгляды, сначала оценивающие, а затем заворожённые, устремились к ней.

Сердце снова царапнула ревность. Но теперь уж он не даст слабину. Пусть Загорецкая не думает, что у него к ней какие-то чувства. Ни за что даже вида не покажет, решил Явлегин.

Подошёл Серёга Семакин — единственный в зале, у кого появление спутницы Явлегина не вызвало восторга. Рите он едва кивнул, Сане подал руку. В глазах — немой вопрос, если не сказать больше.

Саня в душе усмехнулся. Ещё бы! Уж кому-кому, а Семакину лучше всех известно, как он её терпеть не мог. Да Серёга и сам относился к Загорецкой, мягко говоря, без особой симпатии. Понятно, что теперь он в полнейшем недоумении.

«Наверняка спросит, с какого перепугу она пришла со

мной, — подумал Саня. — Хотя Серёга не станет лезть в душу, если увидит, что не хочу говорить».

Зато Рита зашипела:

— А Семакин что здесь делает?

— То же, что и остальные, — дёрнул плечом Саня. — Тренируется.

— Ты мог бы предупредить.

— И что бы это изменило? У тебя к нему особое отношение?

— Нет у меня к нему никакого отношения. Ну просто он же из нашего класса...

— И дальше что? Или всё дело во мне? Боишься, что твои упакованные друзья-подруги прознают, что ты со мной?

— Нет... — Рита смутилась, даже покраснела.

— Не волнуйся, Серёга не из болтливых, — с каменным лицом произнёс Явлегин.

— Да я вовсе не поэтому... — неуверенно пролепетала Рита, но Саша уже не слушал её. Вместе с Семакиным они стали натягивать сетку.

Рита встала на шестой номер. Когда Саня перешёл на противоположную сторону поля, она явно опешила, даже метнула на него обиженный взгляд, однако быстро взяла себя в руки.

Сначала парни старались щадить её, думали, девочка при-

шла поразвлечься, но они не знали Загорецкую. Не знали, что если уж она чем-то занимается, то выкладывается вовсю. Быть середнячком она не умела. Правда, блок у неё и в самом деле получался плоховато и удары были слабоваты, но всё это компенсировалось поразительной реакцией и отлаженной техникой.

Она запросто принимала любые мячи, даже самые мощные силовые подачи, планеры и нападающие, и очень точно пасовала. Так что Рита оказалась не просто равным противником, но и посильнее некоторых парней. Саша, сам не знал почему, но испытывал что-то вроде гордости, хоть в конечном счёте Ритина команда продула три партии из пяти.

После игры парни наперебой распевали дифирамбы Загорецкой, растрёпанной, красной и безумно красивой, а та кокетливо отвечала и улыбалась каждому.

Саша снова злился и на них, и на неё, хоть и держал всё в себе. И ещё больше — на себя.

Подошёл Серёга Семакин:

— Идёшь?

— Нет. Мне вон даму ещё надо проводить.

На лице друга вновь отразилось крайнее изумление.

— Потом поговорим, — пообещал Саня, и Семакин направился к дверям. Вскоре и остальные разошлись.

Переодевалась Рита ещё дольше, чем перед игрой, даже сторож приходил, ворчал:

— Чего здесь делаете? Полдесятого уже. Мне надо клуб

закрывать. Давайте-ка поживее, а то оставлю вас здесь на ночь.

Наконец, появилась и Загорецкая.

— Ну ты ракета! Мы играли меньше, чем ты переодеваешься.

— Тоже скажешь! Мог бы не ждать, если тебе так некогда, — почему-то вдруг дулась она.

— Хорошо, в другой раз не буду.

Они молча вышли из клуба, за ними с грохотом захлопнулась дверь, звякнул засов.

— А ты классно играешь, — похвалил Саня. Это напряжённое молчание ему надоело.

— Спасибо, ты тоже.

— Ну я-то понятно...

— Ах вот как! Что за дискриминация? — она легонько ткнула его кулачком. Он поймал её руку, развернул Риту к себе. пытливо взгляделся в лицо.

Вот так, вблизи, в свете фонарей она вновь казалась родной и близкой.

— Знаешь, Загорецкая, кто бы мне сказал неделю назад, что я буду с тобой... — Саша не сразу подобрал слово, — общаться, голову бы тому, наверное, оторвал или хотя бы язык.

— Да, я бы и сама ни за что не поверила, — как-то грустно улыбнулась она. — Саша, а ты можешь выполнить мою просьбу?

— Смотря какую, — усмехнулся он. Не говорить же ей, что он готов сделать ради неё всё что угодно, ну или почти всё.

— Я бы хотела, чтобы ты называл меня по имени.

— Это так, как тебя твои подружки-курицы называют? Маргоша?

— Меня, вообще-то, Рита зовут.

— Ладно, постараюсь, Заго... Рита.

Она снова замолчала, но на этот раз молчание не было тягостным. И шли они медленно, словно старались оттянуть миг прощания. А уже у своего подъезда она вдруг ошарашила его вопросом, который, очевидно, терзал её весь вечер:

— А эта девушка... Настя, она тебе... ты как к ней относишься?

Саша коротко рассмеялся:

— Да никак. Просто знакомая, привет-пока и всё. Стой! Ты что, и правда ревнуешь?

Он чувствовал, что Рита смутилась.

— Ну... не то чтобы, — пролепетала она. — Ну да, мне было неприятно видеть вас вместе.

Саша с трудом подавил порыв признаться ей, что всё это глупости, что, кроме как о ней, он сейчас даже думать ни о ком и ни о чём не может, но вместо этого лишь усмехнулся:

— Нашла к кому ревновать.

— А пошли с тобой завтра после школы в...

— Я бы рад, да не могу. У меня завтра смена.

— Какая смена?

— Работаю я завтра.

— Ты работаешь? — удивилась Рита. — А кем?

— Помощником автомеханика.

Ему не хотелось об этом говорить: поди, такие как она с детства метят себе в пару каких-нибудь банкиров-олигархов. Вон как сегодня занервничала из-за Семакина. Ну и пусть. Зато сразу всё с ней станет ясно. Так сказать, своеобразный тест на вшивость.

Она и вправду выглядела огорчённой, но, как оказалось, не поэтому.

— Жалко, завтра у меня как раз весь день свободный и родителей не будет допоздна. Но ты хотя бы позвони, если, конечно, не очень занят будешь...

Саша вздохнул с облегчением — он и сам не заметил, как напрягся, ожидая её реакции. Определённо, Загорецкая изменилась до неузнаваемости! Или он её совсем не знал?

— Договорились, Заго... Рита, — улыбнулся он и добавил: — Даже не верится, что такие важные птицы с рабочим классом знают.

Вроде как пошутил, но Рита посмотрела серьёзно и, чуть помедлив, тихо сказала:

— Саш, ты прости меня, я знаю, что вела себя с тобой по-свински. Всё, что говорила тогда... на самом деле я так не думаю, сейчас, по крайней мере. И мне действительно очень стыдно...

— Да ладно, кончай извиняться, давно уже проехали.

Но Рита стояла, понутив голову. Тогда он обнял её, прижал к себе бережно, как ребёнка, нежно поцеловал в левый висок. Губы почувствовали на гладкой коже рубец.

— Мой след, — виновато вздохнул он, пряча лицо в её волосах.

— Сама напросилась, — горько усмехнулась Рита и прильнула к его груди. — Знаешь, всё так странно, так внезапно, и... мне кажется, что я никогда не была так счастлива, как сейчас.

Он молчал, хотя всего распирало от нахлынувших чувств.

— А ты?

— Что я? — он сделал вид, что не понял её вопроса.

— Что думаешь ты? О нас...

— Не знаю, но согласен, всё странно и внезапно.

— Но... тебе со мной как?

— Слушай, я ведь здесь не просто так...

Больше она ни о чём не спрашивала, так и стояла в его объятиях, пока вечернюю тишину не разорвало Рондо Каприччиозо.

— Мама звонит, — с грустью сказала она. — Потеряла, наверное. Мне надо идти...

— Иди, иди. Не заставляй маму нервничать, — коротко засмеялся Саша и выпустил её из крепких рук.

Рита впорхнула домой вне себя от счастья. Даже отповедь родителей по поводу позднего прихода не испортила настроения.

— Маргарита, отвечай же, наконец, где ты была? — негодовал папа. — Мать вся извелась. Звонила тебе. Почему не отвечала?

— Я в волейбол играла, телефон был в раздевалке.

— Как? Разве у тебя сегодня есть тренировка? — изумилась мама, которая знала расписание всех Ритиных занятий.

— Угу, — кивнула Рита, садясь ужинать. — Перенесли. Видишь же, с формой пришла.

— Пойду постираю, — засуетилась мама. И уже из ванной прокричала: — Игорь прибегал, искал тебя повсюду. Сказал, что тоже дозвониться до тебя не может.

Рита досадливо поморщилась.

— Этот Игорёк уже замучил меня. Как нянька носится.

Мама аж назад прибежала.

— Да как ты можешь так говорить? Он о тебе заботится! Это такая редкость в наши дни. Таких, как Игорь, больше нет. И мы с отцы спокойны, когда ты с ним. Он — настоящий, надёжный, ответственный.

— Забыла добавить, что у него папочка — богач.

— Ты так говоришь, как будто это недостаток. Сама-то

ведь любишь вкусно поесть и красиво одеться.

— Это не главное.

— С каких это пор у тебя появились такие взгляды? Викино влияние? Вот никогда мне не нравилась эта выдерга!

— Мам, да Вика-то здесь при чём? Мне скучно с Игорем, вот и всё. Душно, понимаешь?

Мама не понимала и не хотела понимать. И если бы не поздний час, наверняка прочитала бы целую лекцию о том, как важно правильное окружение.

Рита поскорее скрылась в своей комнате, выключила свет, будто легла спать, а в кровать прихватила планшет.

Жаль, что Явлегина нет в соцсетях, подумалось с грустью. Ждать до послезавтра — это так долго! Измучаешься, пока дождёшься.

Зато наконец-то вышла на связь Мари. Очень вовремя! Рита с трудом держалась под этим шквалом новых чувств. Приходилось носить их в себе, тогда как они рвались наружу. И поделиться не с кем. С родителями — никак нельзя. Если вдруг они узнают, что их дочь влюбилась в отъявленного хулигана, в того самого, по чьей милости много лет назад она полмесяца пролежала в нейрохирургии, поднимут такую бучу — даже страшно представить.

С Викой и Дашкой тоже не хотелось делиться. Они могут разболтать всем. И так на следующий день после кино Вика подкараулила её на перемене и привязалась с расспросами. Хорошо хоть ума хватило с глазу на глаз допытываться.

— Ты что, наш план в жизнь воплощаешь? — спрашивала она, округлив глаза.

— Какой план? — Рита сначала даже не поняла.

— Ой, да ладно тебе! Вас с Явлегиным вчера видели в «Лагуне»!

— Кто? — встревожилась Рита.

— Моя сестра. Ну что? Как всё прошло?

— Нормально, — вяло пробормотала Рита.

— Значит, он никому не расскажет?

— Не расскажет. Ты лучше пригляди, чтобы твоя сестра никому не разболтала, а то весь твой блестящий план пойдёт насмарку.

— За это не переживай. Я с ней уже провела беседу.

Вика ещё долго выпрашивала всякие глупости, трепеща от любопытства, словно Рита встречалась с каким-то монстром и чудом осталась целой и невредимой. И вот как ей после этого что-то рассказывать? А Рите просто необходимо было выговориться. Иначе она точно сойдёт с ума от избытка эмоций.

Как же всё-таки хорошо, что есть Мари. Кто-кто, а она поймёт и всякие глупости писать не станет. Тут же пришло от Мари сообщение:

«Приветик:!)».

«Мари, ты где пропадала? Я тебя уже столько дней в Сети караулю!»

«Учёба, учёба:(. А ты чем занимаешься? Кроме школы,

само собой»

«Мне столько всего надо тебе рассказать! Ты просто не представляешь!»

«Заинтриговала! Давай рассказывай скорее!»

«В общем, всё началось в субботу, когда мы с подругами решили оттянуться в клубе. Ну и оттянулись... Там ко мне пристал какой-то урод. Ну, знаешь же, типа я вас угощал, ты меня теперь любить должна. Фу... Вспомнить противно. Я его, как полагается, пнула в пах. Так что из клуба пришлось удирать. Поймали мы тачку, а в кармане — по нулям. В общем, водителем оказался какой-то гопник, ещё и не один, с другом. Разозлился на нас за то, что хотели кинуть его, и увёз... ой, я даже не знаю куда. К каким-то отморозкам-бандюганам. Жуткое место!»

«Ты меня пугаешь! И что?»

«Даже страшно представить, что с нами могли сотворить. Но неожиданно там же оказался мой одноклассник, Саша Явлегин. Я тебе про него рассказывала?»

Пауза. Видимо, Мари честно пыталась вспомнить. Наконец появилось:

«Не помню».

«В общем, я с ним враждовала с первого класса. Мы по-настоящему друг друга ненавидели. Прямо до смерти. И вот он там. Я думала, сейчас он мне всё припомнит. А он вместо этого попросил гопников отпустить нас и даже по домам развёз! Представляешь, какой молодец?»

«Ага, рыцарь! И дальше что?»

«В общем, я боялась, что он расскажет про нашу выходку. Опозорит на всю школу. Явлегин ведь в принципе может быть очень жестоким и мстительным. А уж мне-то он всегда с удовольствием мстил. Поэтому я голову ломала, как с ним договориться, чтобы не разболтал ничего»

«Попросила бы, да и всё»

«Ты что? Просто так к нему не подступишься! Так вот, Вика, ну, мы с ней и куролесили в субботу, предложила заму-тить с ним. Не всерьёз, конечно. То есть понравиться ему, наладить контакт. Понимаешь? Чтобы ему самому не захотелось мне вредить. И тут он как раз на следующий день объявился — телефоны вернул, которые у нас те гопники отобрали. И я по её совету принялась его охмурять»

«И что? Получилось охмурить?»

«Не то слово!»

«То есть?»

«Ой, Мари... Я сама от него теперь без ума. Влюбилась! По-настоящему! Знаешь, со мной в жизни ничего такого не было. Я просто пропала...»

«А он?»

«И ему, кажется, я тоже нравлюсь. Мы уже три дня встречаемся»

«Большой срок!»

«Это неважно! Не в сроке ведь дело, а в чувствах! Когда он целует меня, я вообще умираю! Мари, знала бы ты, как я счастлива!!!»

«Рада за тебя! :) Завтра встречаетесь?»

«Нет, он завтра работает :(Представляешь, школу ещё не закончил, а уже работает! Мы послезавтра встречаемся. Жду-не дождусь»

«А как же Игорь?»

«Игорь пока ничего не знает. Пока никто ничего не знает. Но я с ним поговорю, вот только соберусь с духом и поговорю. Объясню ему всё, он поймёт, я уверена».

«Прости, у меня тут срочный звонок. Ещё спшимся! :)»

Рите было жаль, что Мари так быстро ушла. Она ведь ей толком ничего о нём и не рассказала. А так хотелось! Может, Мари ответит на звонок и вернётся в Сеть? И тогда она, Рита, напишет ей, какой Саша красивый, сильный, смелый. Самый лучший.

Рита так и уснула с планшетом на подушке, не дождавшись подруги...

Ещё в первом классе Игорь заявил родителям, что женится на Риточке Загорецкой. Они посмеялись, даже шуточных советов надавали. Но шли годы, а маленький Игорь оставался на удивление постоянен в своём выборе. Правда, класса с третьего о женитьбе он больше не заикался, но о Рите все уши прожужжал.

«А Рита на ёлке была Снежной Королевой», «А Рита сегодня на физкультуре упала», «А Рита одна из класса получила за контрольную по математике пять».

Галина Романовна, мама Игоря, поначалу очень тревожилась — что за навязчивая идея в столь нежном возрасте? Но, познакомившись поближе с Риточкой и её семьёй, успокоилась и даже всячески поощряла привязанность сына. А с годами и вовсе стала относиться к Рите как к родной. Даже организовала совместную поездку на курорт, где ещё больше уверилась, что Рита прекрасно подходит сыну. Умная, воспитанная, интеллигентная, не то что нынешние девицы. Не пьёт, не курит, учится на «отлично». Опять же, семья хорошая. Сын сделал верный выбор, решила она.

Ну а сам Игорь в мыслях давно связал своё будущее с Ритой. Он и не представлял себя без неё. Дружат они с первого класса, встречаются — с восьмого. Их отношения казались такими прочными, нерушимыми, вечными.

И вдруг всё рухнуло. В одночасье. Будто под ногами раз-
верзлась пропасть...

Неладное он почувствовал в начале недели. Да, точно, в
понедельник.

Накануне, в воскресенье извёлся весь, звонил сорок раз
— Рита была недоступна. А когда спросил её — сочинила
про телефон. И ведь он сразу понял, что сочинила! Не умеет
Рита врать — всё по лицу видно. И потом целый день его
избегала. А как разговаривала! Словно чужая.

Игорю было тягостно оттого, что в их отношениях образо-
валась трещина. Рита стремительно отдалялась, и он не знал
почему, ведь всё было хорошо — ни ссор, ни разногласий.
Что же вдруг изменилось?

Он уговорил мать устроить семейный ужин в честь приез-
да её двоюродного брата и непременно пригласить Загорец-
ких. Но она не пришла. И снова не отвечала на его звонки.

Игорь не понимал, что происходит, мучился, отчаянно хо-
тел, чтобы всё вернулось на круги своя, чтобы Рита стала
прежней.

Сначала он грешил на Вику. Его и раньше раздражало, ко-
гда Рита слишком много общалась с ней. И телефоны, кста-
ти, у обеих враз потерялись и враз нашлись. Но в среду вече-
ром Рита снова пропала и попросту игнорировала его звон-
ки и смс-ки.

Вика при этом оказалась дома и, по её словам, понятия
не имела, где бродит заблудшая подруга. Не знали и Ритины

родители.

У Игоря внутри всё сжималось от смутного предчувствия чего-то плохого, необратимого. Он боялся узнать правду и в то же время, раздираемый подозрениями, не мог оставаться в неведении.

Аккаунт в Одноклассниках он завёл три месяца назад. Зарегистрировался под именем Мари — знал, что истинной Мари в соцсетях нет. Знал, что Рите понравилась эта оторва. Знал, что Рита будет с ней откровенна.

Нет, тогда он ни о чём ещё не подозревал, просто хотелось знать о Рите всё. Абсолютно всё. И интересно было поначалу, словно примерял на себя чужую жизнь.

Впрочем, общались они подобным образом не часто. Во-первых, Рита ничего сверхсекретного не рассказывала, так что интерес постепенно угас, а во-вторых, забрасывала вопросами, на которые Игорь порой не знал что ответить и боялся выдать себя.

Последнее время он и вовсе забросил тот аккаунт и вот теперь вдруг вспомнил. Может, удастся таким образом узнать, что делается с Ритой? Почему она так себя ведёт?

С тяжёлым сердцем Игорь зашёл в Одноклассники. Написал коротенькое: «Привет» и смайлик прицепил.

Рита сразу же откликнулась. Даже обидно стало. Он ей названивал три вечера подряд — она ни разу не ответила, а тут — пожалуйста, в ту же минуту. А потом... потом она рассказала всё.

И эта правда оказалась чудовищной, хуже самых страшных его опасений. Такого он просто не ожидал. Рита, его Рита, влюбилась в другого! Больно было так, что в глазах рябило. Каждое слово рвало сердце.

Не в силах больше выносить поток её откровений, Игорь попрощался и вышел из Сети. Сколько времени просидел молча, неподвижно, перед погасшим монитором — он и сам не знал. Время точно остановилось. Жизнь остановилась.

Пришла мама, поинтересовалась, почему Игорь так поздно не спит. Он ответил ей что-то, не думая, по инерции. Затем на одеревеневших ногах дошёл до кровати, лёг. Но разве в таком состоянии можно уснуть? До самого утра Игорь пролежал не смыкая глаз. Первое потрясение прошло, но боль не утихла. Наоборот, казалась ещё острее.

Сначала ему хотелось высказать Рите всё, что рвалось наружу, наорать на неё, потребовать ответа за ложь, за предательство.

Но рассудок подсказывал: «А дальше что?» Даже если он выплеснет всё, что его терзает, даже если она сознается, повинится, тысячу раз попросит прощения, этим лишь закончатся их отношения. Да он даже облегчит ей дело — она ведь и так вознамерилась с ним поговорить, признаться, что любит другого и хочет быть с ним, не с Игорем. И без малого десять лет его безграничной преданности теперь для неё ничего не значат. Вдвойне больно, что этот другой — Явлегин.

Сколько раз он дрался из-за неё и ради неё с этим пси-

хом! Сколько раз они на пару с ней придумывали всякие каверзы против него! И теперь вдруг она его любит? Разве такое возможно? Сказал бы ему кто — рассмеялся бы наверняка, настолько абсурдно, нелепо, невероятно это звучало. Рита, звезда школы, — и этот плебей, дикарь, нищелюб. Он и школу-то не закончит. Да какая там школа? Его ждут другие университеты. Как, как она могла вообще связаться с ним?!

Мысли Игорька метались. Он знал только одно: надо что-то придумать. Надо положить конец этому безумию. И как можно скорее. Потому что без неё он не хочет, не сможет.

Но что сделать? Отговорить её? Раскрыть глаза на то, какая её ждёт перспектива, когда сойдёт наносной лоск дешёвой романтики? И тут же признавал сам: нет, не станет она слушать, а если и станет, то не согласится ни с одним его доводом.

Рита последнее время каждое его слово воспринимает в штыки. Подействовать на Явлегина? Но тот и подавно не пожелает с ним разговаривать. Да и что он скажет? Отстань от Риты, она — моя? Чушь, конечно. Может, сказать Рите, что он видел Явлегина с другой? Нет, этот номер тоже не пройдёт. Даже если в первый момент она и поверит, Явлегин её разубедит, и Игорь останется крайним. Тут надо действовать наверняка.

И вдруг пришла простая и ясная мысль. Всё же очевидно:

он просто покажет Явлегину переписку с Ритой. Как там она написала? У них был план охмурить его, чтобы он помалкивал. Все её ахи-охи он показывать, естественно, не станет. Просто удалит лишние сообщения, сохранит только эти.

А что если Явлегин воспылает желанием выяснить с Ритой отношения? Что если она покажет ему другие письма? Не покажет. Игорь сразу после этого попросту удалит аккаунт Мари из Одноклассников, и вся переписка пропадёт. И против веских доказательств у неё останутся голые слова.

Поверит ли он ей? Насколько Игорь знал Явлегина — не поверит. А скорее всего, даже слушать её не станет. Может, и гадость какую-нибудь в отместку сделает. Вон и сама Рита писала, что он жестокий и мстительный.

Решено: так и сделает.

У Игоря даже на душе немного полегчало. Есть, конечно, шанс, что всё это всплывёт. Но мизерный. И, в конце концов, он и так Риту почти потерял. А если будет сидеть сложа руки, то потеряет окончательно.

Нужно действовать быстро и решительно. Дело за малым: каким-то образом пересечься с Явлегиным и, так сказать, раскрыть ему глаза на "истинные" намерения Риты.

Этот ненормальный может, конечно, и в драку сдуру кинуться. Так что лучше встретиться в каком-нибудь людном месте.

Игорь снова вошёл в Одноклассники. Риты, слава богу, в Сети не было. Хотя и неудивительно: времени — шестой час

утра. Спит давно. Это у Игоря сна ни в одном глазу, благодаря ей.

Он ещё раз внимательно перечитал их переписку.

«Завтра он работает... Интересно кем? — размышлял Игорь. По его представлениям, такой как Явлегин мог зарабатывать деньги только чем-то вроде гоп-стопа. — Значит, у меня есть день на подготовку. Встречаются они послезавтра. Надо узнать во сколько. Если вечером, то постараться пересечься с ним пораньше, до их встречи».

Игорь тут же набил сообщение Рите:

«Сорри, был важный звонок. Думала, быстро перетру и мы ещё с тобой поболтаем. Так, говоришь, он у тебя уже работает? Интересно, кем и где? Чем вы вообще занимаетесь? Куда ходите? А послезавтра куда пойдёте? Во сколько встречаетесь и когда вернёшься?»

Игорь немного поразмыслил и счёл, что последний вопрос звучит как-то резко, в лоб. Не заподозрила бы она. Но и узнать ведь надо. Подумав, приписал:

«Я тогда тоже к этому часу постараюсь освободиться и поболтаем ещё. Заодно расскажешь, как всё прошло. Пока!»

Осталось лишь узнать номер Явлегина. Напрямую спросить, конечно, нельзя. Но можно что-нибудь придумать. Например, взять у Риты её телефон, мол, позвонить срочно нужно, а свой разрядился. Наверняка его контакт найдётся где-нибудь в последних входящих. Вряд ли она будет стоять рядом, пока он якобы разговаривает, — это моветон, а Рита

— девочка культурная. Он успеет быстренько перебросить номер Явлегина себе и замести следы.

«А, может, у него есть домашний? — встрепенулся Игорь. — Это было бы ещё проще».

Он загрузил пиратскую телефонную базу и сразу же нашёл единственного абонента с этой фамилией. Явлегина Н.А.

Как зовут его мать, Игорь не знал, но это вполне можно было выяснить. Он переписал номер, а заодно и адрес. Не удастся связаться по телефону — всегда можно подкараулить возле дома. Время перевалило за шесть, и в доме слышались шорохи.

«Кто-то уже встал, а я и не ложился», — горько усмехнулся Игорь.

Мама еле добудилась Риту. Той снился чудный сон, и никак не хотелось из него выплывать.

— Ой, мама, ты такой сон не дала мне досмотреть, — проворчала она.

— Что ж теперь, в школу опаздывать?

Сегодня день пустой, его надо просто переждать, подумала Рита. А вот завтра... И сердце радостно подпрыгнуло. Скорее бы завтра!

«Чёрт, у меня даже ни одной Сашиной фотографии нет! Так бы хоть смотрела на фото... Надо будет завтра его снимать. А может, есть старые, каких-нибудь прошлых классов? Надо проверить. Он, конечно, там совсем не такой, как сейчас. Но всё равно лучше, чем ничего».

Рита тут же подсела к ноутбуку, заодно проверила почту и увидела, что от Мари пришло сообщение. Думала кратко и по-быстрому ответить ей, но стоило окунуться в воспоминания о Явлегине, как тут же увлеклась и забыла обо всём. Она бы, наверное, писала и писала дальше, но на этой волнующей ноте её прервала мама.

— Рита! — воскликнула она, входя в комнату. — Ты до сих пор не оделась?! Ты на время смотришь? Рита, что с тобой?

Пришлось захлопнуть ноутбук и в темпе собираться, пока

мама совсем не раскипятилась. Но в школу Рита всё равно опоздала, чего с ней не бывало, наверное, ни разу.

Впрочем, историк, а первой была история, не упрекнул её даже взглядом, хотя других всегда гонял за опоздания. Рита тихо проскользнула за свою парту. Вика тут же зашептала:

— Проспала, что ли?

Рита кивнула.

— Неужто вчера допоздна со своим гопником гуляла?

Историк устремил взгляд на Вику, но та продолжала:

— Куда вы с ним ходили? Что делали? Колись давай.

— Первушина, — одёрнул её учитель. — Хочешь поговорить, иди к доске. Расскажешь нам о предпосылках Первой мировой войны.

Вика тут же примолкла, но историк настаивал:

— Иди, иди.

Рита взглянула на приунывшую подругу и вскинула руку.

— Да, Рита? — у него даже тон изменился. Недаром девочки шептались, что он к ней равнодушен.

— Можно я отвечу?

— Конечно, — улыбнулся историк. — Можешь отвечать с места.

— Германию не устраивало то, что Франция и Великобритания владели обширными колониальными территориями, поскольку у самих немцев никаких колоний не было. А австро-венгры хотели отвоевать у России Волынь и Подолье...

Пока Рита отвечала, историк слушал, не переставая одобрительно улыбаться, и время от времени кивал головой.

— Садись, Рита, отлично, — и добавил с укоризной: — Первушина, ты бы хоть немного старалась брать с подружки пример.

Вика на его замечание лишь закатила глаза.

На переменах Рита думала лишь об одном — как бы не остаться с Игорем один на один. Сейчас его общество особенно тяготило. Врать ему ей не хотелось, а сказать правду — не могла. По крайней мере, вот так, в школе, на бегу.

К тому же теперь Рите казалось, что он никогда ей по-настоящему и не нравился. Просто льстило его внимание, льстило, что он такой видный. Но не было ни капли тех чувств, которых одним своим взглядом сумел всколыхнуть в ней Явлегин.

Господи, да она словно видеть Игоря стала по-другому. И это ещё больше её отталкивало. Всё в нём, всё до мелочей, вызывало раздражение. Тон, то назидательный, то хвастливый. Манера общаться свысока. Медлительные движения. Даже то, как он с иголочки одет и аккуратно подстрижен. От одной мысли об Игоре на неё накатывала тоска.

После школы Рита помчалась домой, не дожидаясь Вики с Дашкой — сбежала из страха, что Игорь увяжется с ними.

День тянулся еле-еле. При этом Рита не успела сделать уроки. Впервые!

По математике сегодня проходили новую тему — форму-

ду Ньютона-Лейбница. Рита замечталась и пропустила всё мимо ушей. Теперь старалась вникнуть сама, по учебнику, но отрезки, функции, интегралы путались, тускнели и уступали место совсем иному образу.

Ей виделся насмешливый взгляд зелёных глаз, взъерошенные чёрные волосы, мягкие, чувственные губы. Какая уж тут математика! Даже любимый английский не давался. Всего-то и задали обычный пересказ текста, а она и смысла уловить никак не могла.

«Чёрт, да что же такое? — раздражалась сама на себя Рита. — Вот уж точно — смотрю в книгу, вижу фигу».

Ко всему прочему постоянно отвлекалась на телефон, который практически не выпускала из рук, — так ждала Сашиного звонка. После шести ожидание стало нервировать. После восьми настроение и вовсе упало. Сама звонить не решалась. Не хотелось показаться назойливой и негордой.

«Может, позвонить с другого телефона? Просто послушать голос и отключиться».

Но тут же одёрнула себя: «Что за детский сад?!»

Стрелка часов переползла девять. За окном сгустились сумерки. Телефон по-прежнему молчал.

«Надо же! — расстроилась Рита. — Никому я сегодня не нужна. Даже Игорёк не названивает, как обычно. Но это-то хорошо. Но Явлегин! Он же обещал!».

В унисон настроению погода тоже резко испортилась. Поднялся ветер, принёс дождь. Тугие струи затарабанили по

карнизу.

В полдесятого Рита и вовсе потеряла всякую надежду, что Явлегин позвонит.

«Он просто забыл про меня».

По щеке прокатилась одинокая слезинка. Рита зло смахнула её. Решила выйти сообщить родителям, что ложится спать. Доконал её этот тоскливый бесконечный день!

И вдруг телефон ожил. Зазвонил так резко и неожиданно, что Рита вздрогнула. Сердце тут же пустилось в бешеный галоп. На экране высветился долгожданный номер, последние четыре цифры — восемнадцать-двенадцать. Рита ещё в первый день с удивлением это отметила, теперь же считала знаком свыше — ведь у неё день рождения именно восемнадцатого декабря.

— Да, — Рита старалась не выказать охватившего её трепета.

— Привет, можешь выйти?

— Выйти? — не поняла она.

— Ну да. Я возле твоего подъезда.

Рита отодвинула штору, за окном — темень, не видно ничего, кроме того, что хлещет дождь.

— Сейчас! — воскликнула она и ринулась в прихожую.

— Рита, ты куда? — всполошилась мама, а следом выглянул и папа.

— Мне надо! Я ненадолго!

— Куда?!

— Да никуда! Просто у подъезда с одноклассниками постою, — Рита начала выходить из себя.

Ведь там ждал её Он, а родители так некстати привязались с расспросами. Задерживают.

— С какими одноклассниками? Кто пришёл? Вика? Даша? А Игорь тоже? Пусть поднимутся к нам. И вообще, почему так поздно?

— Мама, всё! Я сейчас вернусь, — Рите казалось, что ещё секунда — и она взорвётся.

Вылетела в подъезд, на бегу запахивая плащ и не слушая, что мама кричала вслед.

Внизу на шум высунулась консьержка:

— Риточка, ты куда? В таком виде! На улице просто стихийное бедствие какое-то. Простудишься.

— Всё нормально, Марьванна, — бросила Рита на ходу, не в силах больше терпеть никаких препятствий.

Наконец вырвалась на улицу.

Ветер уже стих, зато дождь лупил в полную мощь. Даже под козырьком подъезда Рита вмиг вымокла и продрогла. Глаза нетерпеливо шарили по тёмному двору. Ну где же он?

А он был совсем рядом, в пяти шагах. Стоял, привалившись к фонарному столбу и подняв лицо к ночному небу. Стоял, словно и ливень, и холод ему нипочём. С волос стекали ручейки. Никакого зонтика у него, разумеется, не было.

Только воротник куртки поднял, но толку-то, когда такая непогода разгулялась.

Рита не думая бросилась к нему под дождь. И даже холода уже не чувствовала, только безумную радость.

— Ты как здесь?

— Ты куда? Промокнешь, давай обратно, — он пошёл к ней навстречу, подхватил и увёл назад под козырёк подъезда.

— Я всего на минуту. Мне ещё на работу надо возвращаться.

— А ты как тут оказался?

— Как? Пришёл.

— Твой автосервис где-то поблизости?

— Совсем нет, — усмехнулся он. — Просто захотелось тебя увидеть, вот и отпросился на час. Днём не мог — работы было много, а ночью, как всегда, затишье.

— Какой ты молодец! Как хорошо, что ты пришёл! Только вон промок весь. Не заболеешь?

— Ничего, не сахарный. Ты сама не заболей, сейчас домой вернёшься — обязательно выпей чаю с малиной. Есть у тебя малина?

Рита блаженно кивнула, не в силах отвести взгляда от его лица. Щёки, нос, даже ресницы покрывали капельки дождя, в которых играли блики тусклых жёлтых фонарей. Мокрые пряди налипли на лоб. Наверняка и одежду хоть выжимай. Но Саша улыбался. Глаза его, в темноте казавшиеся чёрными, светились искренней радостью. И смотрел он на Риту так, что у неё душа рвалась к небу.

— Я вдруг соскучился, — прошептал он.

— Я тоже! — горячо подхватила Рита, впитывая каждую его чёрточку.

Он тоже пожирал её глазами минуту, две, может, пять. Потом резко наклонился, коротко поцеловал.

— Ну всё, мне пора. Пока, Рита Загорецкая!

— А завтра...

— А завтра буду ждать тебя у «Лагуны» в семь.

Он шёл, пятась, словно не мог оторвать от неё взгляда, затем взмахнул рукой, отвернулся и быстро растворился в темноте.

Рита постояла ещё пару минут, позволяя холодным каплям остудить пыл, ждала, когда хоть немного утихнет сердцебиение.

— Завтра... — мечтательно прошептала она и вернулась в дом.

Игорёк не хотел больше допекать Риту звонками, теперь уже он не просто чувствовал, а совершенно ясно видел, как она его избегала.

Ну что ж, решил он, побуду пока в стороне. До поры до времени. Когда Явлегин её бросит и наверняка оплатит за «подлый план», он будет тут как тут, с утешениями и поддержкой. И всё опять наладится.

Игорь так уверовал в свою затею, что почти успокоился. Вечером получил новую порцию полезной информации от Риты: они встречаются завтра в семь у «Лагуны».

«Хорош кавалер, — хмыкнул Игорь, — назначает свидание поближе к своему дому».

Восторженный рассказ о том, как Явлегин прибежал к ней в дождь всего лишь для того, чтобы увидеть её, совсем его не впечатлил. Подумаешь подвиг! Он бы тоже прибежал, будь в том хоть какой-то смысл.

Игорь посмотрел на часы — половина одиннадцатого. Учитывая погоду, Явлегин, скорее всего, дома, решил Игорь и набрал номер из базы.

Ответил женский голос. Его мать, догадался Игорь.

— Простите за поздний звонок. Будьте добры, позовите Александра к телефону, — очень вежливо попросил Игорь.

— А его нет, — женщина слегка встревожилась. — А кто

его спрашивает?

Игорь слегка замешкался. Что ей сказать? Можно, конечно, что-нибудь выдумать, но если он встретится с Явлегиным, — а он обязательно встретится! — а потом мать расскажет ему о звонке, тот сразу всё сопоставит и поймёт. Так что лишняя ложь совершенно ни к чему. Да, точно. Лучше сказать правду. Больше доверия вызовут впоследствии его слова.

— Это Игорь Чепурнов, его одноклассник. А как с ним можно связаться? По важному вопросу...

— Ну, позвоните на мобильный.

— Я не знаю его номера. Мне классный руководитель дал только домашний.

— А утром вы не можете перезвонить? Он утром вернётся. Часов в девять.

Игорь решил, что в крайнем случае перезвонит утром. В девять как раз будет идти второй урок, он может выйти и поговорить с Явлегиным. Но на всякий случай предпринял ещё одну попытку:

— А он точно будет утром? Дело в том, что я звоню не первый раз. И утром, и днём. И никак не могу дозвониться. А вопрос действительно важный. Насчёт учёбы...

Ну какая мать не купится на такое? Если только она действительно заботливая мать, а не какая-нибудь там... А у Явлегина, насколько Игорь мог судить по её внешнему виду, мать вполне приличная. Ну как приличная? Простая она, ко-

нечно, как табуретка, и наверняка недалёкая — разве интеллигентная женщина, считал он, стала бы работать в столовой? Но, по крайней мере, отнюдь не забулдыга и не гулящая. Расчёт оказался верным.

— Хорошо, записывайте, — сдалась она. — А что, Саше разве грозят неприятности?

— Ну... посмотрим ещё, — невнятно пробормотал Игорь. Неприятности? Откуда ему знать? Хотя он, конечно, изумлялся, как этому Явлегину удалось перейти в одиннадцатый класс. Правда, Рита утверждала, что его двигает директор. Но на эти нюансы Игорю плевать.

Главное, номер Явлегина он получил. Хотя позвонить долго не мог решиться. Ни с того ни с сего вдруг разнервничался. Беспокоился, что тот ни в какую не захочет с ним встречаться. Только продумав свою речь и поборов мерзкую дрожь, Игорь наконец набрал Явлегина.

— Да? — Игорю показалось это «да» прозвучало очень грубо и резко. Даже подготовленные фразы тут же забылись.

— Это Чепурнов, — выдавил Игорь.

Чуть помолчав, Явлегин спросил:

— Что надо? — теперь в голосе чувствовался холод.

— Поговорить нужно.

— С чего бы это вдруг?

— Обстоятельства так сложились. А ты что, боишься?

Приём старый и избитый донельзя, а всё равно работает. Особенно с такими как Явлегин.

— Тебя что ли?! Тебе что, Чепурнов, плохо?

— Ну, раз нет, тогда давай завтра встретимся и поговорим. Один на один. Никакого мордобоя я устраивать не собираюсь. Просто хочу прояснить некоторые моменты.

— Мордобоя? — ухмыльнулся Явлегин. — Ты пьяный там, что ли? Ладно, Подгребай к шести в «Лагуну», только не опаздывай, а то один на один не получится.

Игоря передёрнуло.

«Вот гад! Ещё издевается, намекает, что в семь там же встречается с моей Ритой. Ну ничего, посмотрим, как ты потом смеяться будешь».

На следующий день Игорь ещё раз перечитал последние сообщения Риты, тщательно подчистил ненужное, чтобы остались лишь те, что били в яблочко.

Ник Мари и её город тоже поменял. Незачем Явлегину знать, что он представлялся женским именем, а то прославит потом на всю округу. Ну а как только покажет, сразу удалит аккаунт, и об этих небольших изменениях Рита даже не узнает.

Явлегину не слишком-то хотелось встречаться с Чепурновым. И согласился он вовсе не потому, что повёлся на банальную уловку. Оба прекрасно понимали, насколько нелепо звучало даже само предположение, что он может бояться Игоря. Скорее, тот сам себя подбадривал, решил Саня. А может, просто пытался заманить его на какой-то дурацкий разговор.

Сначала Явлегин хотел послать его. Потом вспомнил, что Чепурнов встречался с Ритой. И сразу всё встало на свои места. Именно о Рите так жаждал поговорить этот чёртов Игорёк. Наверняка прознал о них, вот и засуетился.

«Может, Рита сама ему о нас рассказала? Да, конечно! Откуда бы он ещё узнал? Молодец девочка! Послала этого барана подальше — туда ему и дорога. А раз так, почему бы действительно не пообщаться и всё окончательно не прояснить?»

Саня даже повеселел. Так хотелось увидеть сытую, самодовольную физиономию в печали.

Интересно даже, что он собирается сказать? Попросит оставить Риту? Или потребует? Ну-ну, пусть попробует.

Собирался он тщательно. Всё новое достал. Не из-за дурака Игоря, само собой. После разговора с этим клоуном его ждала гораздо более волнующая встреча, куда Саня рвался

всей душой. До которой буквально минуты считал.

Когда он подошёл к развлекательному центру, Игорь уже топтался у входа, озираясь по сторонам. Руки ему Саня подавать не стал, кивком позвал за собой.

Поднялись в тот самый бар, где недавно сидели с Ритой. Только их столик был занят другой парочкой.

— Ну? — спросил Явлегин, когда они устроились за соседний.

Игорь мялся, видимо, не знал, с чего начать. Саня усмехнулся.

— Говори уже, Чепурнов, или ты меня помолчать позвал?

— Помнишь, — Игорь поднял на него глаза, — в прошлую субботу ты Риту с девчонками вытащил из какой-то блат-хаты?

На губах ещё играла насмешливая полуулыбка, но в сердце уже неприятно кольнуло нехорошее предчувствие. Явлегин напрягся. Откуда этот хлыщ мог об этом знать? Неужто Рита настолько разоткровенничалась?

— И что? — холодно спросил он.

— Рита очень боялась, что ты про это всем расскажешь. У неё строгие родители, и вообще она бережёт свою репутацию. Для неё было бы ударом, если бы все узнали о том случае.

— Это тут вообще к чему? — этот заход издалека начал его нервировать. Да и зачем такую чушь про Риту городить? Она прекрасно знает, что он никогда бы её так не подставил.

Да и не только её, а вообще никогда не стал бы вести себя так мелко.

Зато Игорь успокоился и деловито заявил:

— Короче, главное. В общем, Рита, конечно, дура. Зря она всё это затеяла, тем более расхлёбывать теперь мне... В общем, они с Викой решили, что если она с тобой как бы замутит, то ты точно никому ничего не расскажешь. Ну вот, а теперь не знает, куда деваться. Как всё это закончить.

— Ты что несёшь, Чепурнов? — закипел Саня.

— Она мне сама всё рассказала. Как она с тобой в кино ходила и на волейбол, как вчера вечером ты прибежал под дождём, чтобы только посмотреть на неё...

Сане казалось, что на мгновение он ослеп и оглох, настолько чудовищно это звучало.

— И что ещё она тебе рассказывала? — спросил он глухо.

— Всё. Рита повинилась, попросила прощения. Сказала, что сама хотела покончить с этим безумием и поговорила бы с тобой да боится, что ты... сделаешь ей что-нибудь. В общем, мы решили, что я сам улажу это недоразумение.

Саня едва сдерживался. Он думал о ней каждую секунду. Видел её, стоило закрыть глаза. Он бы за неё и в огонь и в воду. Да он на что угодно готов ради неё! А оказывается, всё это лишь недоразумение...

Каждая клетка, каждый нерв его вопил от нестерпимой боли, но где-то очень глубоко он всё-таки надеялся, не хотел, не мог в это поверить.

— Да ну, бред какой-то!

Игорь вынул планшет, загрузил страницу в Одноклассниках. Саня хоть и не увлекался соцсетями, но сразу узнал оранжевую рамку и логотип. Игорь потыкал туда-сюда, протянул планшет ему.

— На вот, читай.

— Что это?

— Это мне Рита писала про тебя, ну и вообще про всё. Стеснялась признаться в глаза, решила так...

Явлегин узнал на аватаре Ритину фотографию. А рядом сообщение:

«В общем, я боялась, что он расскажет про нашу выходку. Опозорит на всю школу. Явлегин ведь в принципе может быть очень жестоким и мстительным. А уж мне-то он всегда с удовольствием мстил. Поэтому я голову ломала, как с ним договориться, чтобы не разболтал ничего».

Собеседником в чате значился Чепурнов.

«Попросила бы, да и всё»

«Ты что? К нему же просто так не подступишься. Так вот, Вика, это мы с ней куролесили в субботу, предложила замутить с ним. Не всерьёз, конечно. То есть понравиться ему, наладить контакт. Понимаешь? Чтобы ему самому не захотелось мне вредить. И тут он как раз на следующий день объявился — телефоны вернул, которые у нас те гопники отобрали. И я по её совету принялась его охмурять»

«И что? Получилось?»

«Не то слово!»

Саня молча дочитал, с последней фразой отпали все сомнения. Чепурнов говорил правду. Дикую, невыносимую, беспощадную правду. Это действительно писала она. И не только потому, что сообщения были отправлены от её имени — главное, только она одна всё это знала, больше никто.

Всё, что происходило между ними в эти дни, — всего лишь умело разыгранный спектакль, где ему выпала роль идиота и он с ней прекрасно справился.

Явлегину казалось, что в душу ему плеснули кислотой и теперь она с шипением разъедает все внутренности. Сколько воли, сколько сил потребовалось, чтобы не выдать раздражающие его чувства! Ни один мускул так и не дрогнул на его лице. Разве только взгляд потемнел да черты словно окаменели, но Игорь этого не заметил. Он вообще избегал смотреть Сане в глаза. Зато умудрился скроить сочувствующее выражение.

— Я понимаю, стрёмная ситуация. Но и ты пойми, она не со зла, а по глупости. Она не хотела делать тебе больно.

— С чего ты взял, что мне больно? Потискать смазливую тёлку мне было в удовольствие и не более того. Так что можешь передать своей подружке, что она свободна и вообще нафиг мне не сдалась, — сказал он равнодушно.

Игорь торопливо убрал планшет, и кивнув, удалился.

Явлегин тоже поднялся. Казалось, сила гравитации вдруг стала в несколько раз мощнее или же тело отяжелело, точно свинцом налилось. Даже дышалось с трудом.

Её слова «замутить с ним не всерьёз... принялась охмурять...» словно калёным железом жгли сердце.

Саня брёл как сомнамбула, куда — сам не знал. Просто шёл, потому что, если остановиться, боль чувствовалась во сто крат острее.

Какой же он идиот! Мчался вчера по лужам, под ливнем, как последний дурак. Ради чего? Чтобы посмотреть в глаза этой лживой подлой дряни? Чтобы потом она высмеивала эту его глупость со своим дружкой? Как он мог так забыть-ся? Ведь знает её как облупленную. Десятки раз видел, как она лгала и изворачивалась, как подставляла его, какие козни плела за спиной.

Почти обо всех интрижках Загорецкой ему рассказывал Серёга Семакин. А он ещё повздорил с ним позавчера из-за этой гадины.

Серёга чуть ли не орал в трубку, чтобы Саня держался от неё подальше: «Ты что забыл, кто это? Это же Загорецкая! Вспомни, сколько гадостей она тебе сделала. Наверняка и сейчас опять какую-нибудь подлянку задумала или, как они говорят, прикол».

Он тогда вспыхнул, послал его, сбросил звонок, а Серёга-то был прав, ой как прав...

Час спустя Саня оказался у своего автосервиса. Михалыч,

протирая суконкой руки, вышел навстречу.

— Ты чего, Санёк, забыл? Вроде смена твоя утром закончилась.

— Я у тебя посижу?

— Сиди, жалко, что ли? Чаю себе наливай. Только пока я тут малость занят, Лютый опять тачку подогнал. Почти новая, но битая...

— Что за машина?

— Камри. Вроде Лютый отжал у какого-то барыги за должок. Теперь хочет толкнуть её как целую. Кстати, Санёк, коль уж зашёл такой разговор, давно хотел сказать: не связывайся ты с этим Лютым и его кодлой. Он, конечно, клиент хороший, но как человек... Вижу, что он на тебя глаз положил. Сегодня как раз обронил, что для такого как ты и лучше дело найдётся, чем чужие тачки латать. Но я-то знаю, какие у него дела, так что мой тебе совет — держись от него подальше. Этих двух дурачков — Дэна с Рафиком он уже загрёб под себя. Но у тех ветер в голове, сомневаюсь, что из них выйдет бы толк. Ну а ты парень неплохой, неглупый, не порти себе будущее...

— Михалыч, не надо меня лечить, а? Я что сам ничего не понимаю?

— Да все вы всё понимаете, только потом локти кусаете, а исправить ничего нельзя. Меня бы в юности кто уберёг от дурной компании, так, глядишь, и жизнь по-другому сложилась бы.

— А чем тебя твоя-то не устраивает? Сервис вон свой имеешь, живёшь как у Христа за пазухой.

— Всё это ерунда, пыль. А вот главного я не нашёл.

— Чего?

— Семьи.

Саня фыркнул:

— Велика потеря.

— А говоришь — понимаешь. Семью ни один друг не заменит. Недаром мудрые люди сказали: человек без семьи что дерево без корней. А дерево без корней — это бревно, чурка. Вот и я — бревно.

— Что-то тебя на философию потянуло, Михалыч. Давай лучше я тебе помогу.

— Это можно.

Денис, а в народе — Дэн, жил с Явлегиным по соседству. Он и позвал Саню ещё прошлым летом вместе подработать в сервисе. Но вскоре того подтянул к себе Лютый.

У Дэна появились другие дела и совсем другие заработки. Пытался и Саню к себе переманить. Хвастался тачкой, которую прикупил на «свои кровные, честно и, главное, быстро заработанные». Но Михалыч — хозяин сервиса — как мог, этому препятствовал.

Он сразу проникся к Сане и питал к нему что-то вроде отеческих чувств. Да и остальные мастера относились к парню по-доброму. У Лютого же царили совсем иные отношения. Когда Лютый весел, гуляют и «холопы». Когда не в ду-

хе, достаётся всем.

Доводилось Сане видеть, как он вытирал ноги о Гриню, который в два раза выше и шире Лютого. Как этот самый Гриня виновато лепетал и заискивал перед ним. И пусть потом Гриня творил отчаянные дела, пусть все вокруг считали его уважаемым пацаном — для Сани он навсегда остался покорным мямлей, жалким холопом. А быть холопом, выполнять чьи-то приказы, не просьбы, а именно приказы, причём безоговорочно, Саня считал немыслимым. И вообще, не признавал он социальной иерархии. Если уважать — так только за дело. Так что от всех заманчивых предложений Лютого Саня неизменно уклонялся.

Работа, конечно, не помогла забыть или преодолеть боль, но хотя бы на пару часов позволила немного отвлечься, не думать ежесекундно о том, что произошло. И, возможно, это удержало Саню от того, о чём потом он непременно сожалел бы. Ведь был порыв высказать ей всё, что рвало душу в клочья. Посмотреть в её лживые глаза. В последний раз.

Хорошо, что не сделал этого, думал позже Саня. Что бы это дало? Очередную порцию лжи? Спасибо, наслушался. Как она там сказала про него? Жестокий и мстительный. Стыда и раскаяния он всё равно в ней не увидел бы. Тот, кто способен испытывать стыд, не пошёл бы на такую мерзость.

Да и очень-то нужно ему это раскаяние. Помнится, уже раскаивалась недавно, и так достоверно, так трогательно. Он даже ни на секунду не усомнился в её искренности.

Явлегин стиснул зубы до скрежета, глубоко вдохнул, резко выдохнул. «Какая же ты дрянь!»

Рита издала выискивала Сашу у входа в «Лагуну», где он её обычно ждал, но его не было. Люди входили и выходили, но всё не те.

Она постояла на крыльце, но стало неловко — на неё обращали внимание. Чужие парни навязывали знакомство, отпускали плоские шуточки.

Она вошла в холл, осмотрелась — там тоже никого. Огромные часы над гардеробом показывали половину восьмого.

«Ладно, опоздал — всякое может случиться, но позвонить-то можно?!», — негодовала Рита.

Хотела позвонить сама, поинтересоваться, в чём дело, но не стала — сначала из упрямства, а потом от обиды. Прождала до восьми — Явлегин так и не объявился.

В растрёпанных чувствах Рита побрела домой. Почему он не пришёл? Почему не сообщил, что не сможет прийти? Знал же, что она будет ждать! От досады хотелось плакать, глаза предательски щипало. Но Рита как могла сдерживалась: стыдилась раскисать на людях.

Как же было жаль этого вечера! Обманутых надежд! Она ведь буквально летела к нему. Весь день только и жила ожиданием, что увидит его. А он...

«А вдруг с Сашей что-то случилось?» — Риту прон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.